

"Любовь — первая и единственная"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Пенни Джордан

Любовь — первая и единственная

Пролог

— Какого черта ты вытворяешь, Сильвия? Что за игры на этот раз? — раздраженно воскликнул Рэн.

Сильвия судорожно вцепилась в его рубашку в отчаянной попытке заставить его выслушать, доказать ему, что она уже не ребенок, а женщина... женщина, которая любит его и хочет. А он взял и отбросил ее руки.

— Рэн, это не игра, — возразила Сильвия. Ее глаза заволокло слезами обиды. — Я хочу...

— О, я прекрасно знаю, чего ты хочешь, Сильвия, — жестоко перебил ее Рэн. — Ты хочешь, чтобы я затащил тебя в постель. Но сейчас мне не до... — Он запнулся, прошептав что-то непонятное, и повернулся к ней, так что свет внезапно упал на его лицо, подчеркнув аристократическую надменность профиля. — Твой сводный брат — один из моих лучших друзей и мой начальник, и...

— Алекс тут совершенно ни при чем, — яростно возразила Сильвия. Это только между нами, Рэн.

— «Нами»? «Нас» нет и быть не может, — безжалостно ответил он. — Ты еще школьница, Сильвия, а я взрослый мужчина.

— Но, Рэн, я люблю тебя, — отчаянно взмолилась Сильвия в последней попытке раскрыть перед ним свои чувства.

— Правда? — насмешливо протянул Рэн. — И как сильно? Как певца, по которому ты умирала полгода назад, или как пони, которого ты выпрашивала у родителей?

— Тогда я была еще маленькой, — ответила Сильвия.

Между ними лежало такое небольшое пространство — чуть больше метра. Если она позволит ему уйти, не попытавшись хотя бы...

Она решительно пересекла разделявшее их расстояние, застав его врасплох, прижалась к нему всем телом и обняла его так страстно и так крепко, что он уже не мог сбросить ее руки как несколько секунд назад.

— Рэн... — взмолилась Сильвия. Ее губы дрожали. — Рэн, пожалуйста...

Она почувствовала внезапный приступ дрожи, охвативший его тело перед тем, как она неумело поцеловала его в губы.

Его губы были твердыми и горячими, щетина на лице казалась возбуждающе грубой. В Сильвии разгоралось настоящее пламя; ее сердце билось так сильно, словно готово было разорваться от страсти.

— Рэн, — пылко простонала она и с невинным кокетством прильнула к нему.

Внезапно руки Рэна сомкнулись вокруг нее, не отталкивая как раньше, а удерживая в

объятиях; его пальцы впились в нежную кожу предплечья, в то время как другую руку он запустил в ее длинные волосы.

У Сильвии закружилась голова и подогнулись колени.

Раньше ей казалось, что ее сердце бьется слишком быстро, но это ни в какое сравнение не шло с теперешним бешеным ритмом. Все ее существо было охвачено упоением.

Рэн! Рэн! Рэн!

Сильвия так сильно его любила, так сильно хотела. Она страстно прижималась к нему всем своим юным телом. Каждая ее клеточка изнывала от желания.

Она отчаянно хотела заняться с ним любовью. В последние несколько недель, пока они вместе очищали заросший пруд в поместье ее сводного брата, она взглянула на Рэна по-новому и влюбилась в него по уши, со всей страстностью и безудержным пылом своих семнадцати лет.

А теперь, после всех обид, вызванных его отказом, после его нежелания понять ее чувства, он обнимает ее, целует... хочет...

В ней разгоралось возбуждение. Ее груди жаждали ласк и прикосновений, о которых она читала только в любовных романах. Мысль о занятии любовью в кровати Рэна была пределом ее мечтаний. Она с готовностью приоткрыла рот, чтобы впустить внутрь его язык, но Рэн неожиданно оттолкнул ее, его лицо потемнело от злости.

— Рэн, чт-то... что случилось? — запинаясь, пробормотала она.

— Что случилось? Ой, ради бога... — буркнул он. — То, что ты спрашиваешь, еще раз доказывает... Ты еще ребенок, Сильвия... Полгода тому назад...

Сильвия до боли закусилла нижнюю губу, заметив ярость в глазах Рэна, когда он провел ладонью по густым каштановым волосам.

— Прости... Я не должен был так поступать... — коротко сказал он.

Ее глаза наполнились слезами.

— Ты целовал меня, — дрожащим голосом напомнила Сильвия. — Ты хотел меня...

— Нет, Сильвия, — прошипел Рэн сквозь зубы. — Я хотел не тебя, а то, что ты предлагала. Я мужчина, и когда женщина сама приходит ко мне и предлагает секс... — Он умолк и покачал головой. — Ты все еще ребенок, Сильвия.

— Спорим, если бы ты оказался со мной в одной постели, то не говорил бы так, — с жаром возразила Сильвия и безрассудно добавила, — Я не ребенок, Рэн, и могу это доказать...

Он шумно выдохнул.

— Господи, ты хоть сама понимаешь, что только что сказала... предложила...?

— Я хочу тебя, Рэн... Я люблю тебя...

— Что ж, зато я не испытываю к тебе ни того, ни другого, — со злостью ответил Рэн; его лицо страшно побледнело под густым загаром. — И позволь мне предостеречь тебя, Сильвия: если

ты и дальше будешь вешаться на шею мужчинам, рано или поздно какой-нибудь из них воспользуется твоим предложением, и обещаю, тебе это мало понравится. Ты слишком молода для сексуальных экспериментов, а когда подрастешь, выбери кого-нибудь, кто больше подходит тебе по возрасту, и не... Я мужчина, а не мальчик, Сильвия, и... скажем так, постельные упражнения с перевозбужденной и неопытной девственницей не могут дать мне ни удовлетворения, ни особой радости... Так что найди для своих игр кого-нибудь помоложе.

В первую секунду Сильвия хотела возразить, опровергнуть его слова, снова начать умолять или броситься к нему в объятия и доказать, что способна разжечь в нем страсть несмотря на свой возраст и недостаток опыта. Не в ее правилах было сдаваться без боя, но какое-то новое чувство, шевельнувшееся в душе, уберегло ее от очередного унижения. Вместо споров и просьб, сдержав слезы, она вскинула голову и решительно произнесла:

— Да, думаю, я так и поступлю...

Среди людей, работающих в поместье, был один парень, явно равнодушный к ней. В последнее время, она, страстно увлеченная Рэном, совершенно его не замечала, но...

Ее глаза яростно вспыхнули. Рэн нахмурился.

— Сильвия, — начал он. Охваченная гневом, Сильвия даже не обернулась.

Ее незрелая, хрупкая любовь оказалась почти полностью вытесненной обидой, горечью и злостью.

Рэн!

Сильвия любила его, но чувствовала, что уже готова возненавидеть.

Первая глава

— Ты шутишь...?

Сильвия, нахмурившись, изучала записку, приколотую к папке с документами, которую только что вручил ей ее наниматель.

Ллойд Келмер IV был из той породы эксцентричных миллиардеров, которые, по мнению Сильвии, могли существовать только в сказках — в роли снисходительного и добродушного крестного папочки. Она познакомилась с ним на вечеринке, приглашение на которую получила через каких-то знакомых сводного брата. Сильвия пошла на ту вечеринку только потому, что чувствовала себя одинокой и потерянной после окончания учебы в колледже и переезда в Нью-Йорк. Они немного поболтали, и Ллойд рассказал ей о судебных тяжбах и потрясениях, которые ему пришлось пережить в процессе управления огромной и процветающей трастовой компанией, учрежденной еще его дедушкой.

— Старик с ума сходил по старым домам, и я, похоже, унаследовал эту страсть. Он и сам владел немалым имуществом и вошел во вкус, если понимаешь, о чем я. У него была плантация в Каролине, парочка французских замков и палаццо в Венеции, так что, естественно, он пришел к мысли вложить свои миллионы в восстановление и развитие старинных зданий, и теперь у Траста их пруд пруди по всему миру, а еще больше желающих, чтобы Траст их финансировал.

Сильвия, знаящая не понаслышке о проблемах своего сводного брата, связанных с

управлением его крупным поместьем в Англии, очень заинтересовалась рассказами Ллойда, но все же ее удивило полученное через несколько дней предложение поступить к нему на работу в качестве личного секретаря.

Сильвии было уже далеко не семнадцать, и она успела излечиться от своей детской наивности и избалованности. Ллойд перевалило за шестьдесят, и похоже, его великодушное предложение не несло в себе никаких тайных мотивов. Но все же первое, что сделала Сильвия, это позвонила сводному брату в Англию и спросила совета.

Неожиданный и, к несчастью, краткий приезд Алекса и его жены Молли и их разговор с Ллойдом подтолкнул Сильвию к положительному решению, о котором она за прошедший год ни разу не пожалела.

Ее работа оказалась интересной и захватывающей, и не оставляла времени даже для малейшей передышки, не говоря уже об отношениях с противоположным полом, но Сильвию это не волновало. Пока что, из своего опыта общения с мужчинами она сделала вывод, что ничего в них не понимает. Сначала она по уши влюбилась в Рэна и получила от ворот поворот, а затем подвергла себя и свою семью жуткой опасности, по-дурацки связавшись с Уэйном.

Они с Уэйном так и не стали любовниками, и она с самого начала знала о его махинациях с наркотиками, но, как некогда внушила себе, что Рэн ее тоже полюбит, так и на этот раз убедила себя в том, что Уэйну всего лишь несчастный человек, нуждающийся в защите и утешении.

В обоих случаях Сильвия ошибалась. Рэн мог чувствовать к ней все что угодно, но любовью там и не пахло. А Уэйну... что ж, к счастью, он навсегда исчез из ее жизни.

Новая работа отнимала у нее все время и все силы. Каждое новое «приобретение» Троста нужно было осмотреть, тщательно исследовать и безболезненно довести до того же уровня, что и остальные здания, финансируемые Тростом.

Сильвия знала, что ее начальник очень субъективен в своем подходе к поиску новых владений, из-за чего некоторые служащие смотрели на него косо. Принимая решения, Ллойд руководствовался «чутьем», а из-за его причуд Сильвия чувствовала необходимость заботиться о нем почти по-матерински.

По крайней мере так было до сих пор.

Вернувшись из шестинедельной поездки в Прагу, где она оформляла передачу в собственность необычайно красивого, но страшно запущенного дворца восемнадцатого века, Сильвия к своему ужасу обнаружила, что в ее отсутствие Ллойд сделал еще одно приобретение в виде Хавертон-Холла, огромного поместья в Дербишире.

— Но, Сильвия, это же настоящее сокровище, прекрасный образец английского неоклассицизма, — заявил Ллойд, заметив непреклонное выражение ее лица. — Обещаю, тебе понравится. Джена уже заказала тебе авиабилет в Лондон на послезавтра. Я думал, ты обрадуешься. Ты же недавно сама говорила, как тебе хочется навестить сводного брата, его жену и их сына... Кстати, о доме... Я говорил тебе, что парень, получивший его в наследство, знаком с твоим сводным братом? Вроде бы он пожаловался твоему брату на проблемы, которые на него свалились вместе с наследством, и Алекс предложил ему связаться со мной... Сначала я сомневался. Все-таки у нас уже есть этот милый домик эпохи короля Георга возле Брайтона, но ради Алекса я решил слетать в Англию и посмотреть.

Сильвия прикрыла глаза, выслушивая перечисления достоинств и недостатков Хавертон-Холла.

Как объяснить, что ее беспокоит не дом, а его хозяин?

Хозяин...

Вот это имя на первой странице отчета... Хавертон-Холл... Владелец... Сэр Рэнульф Кэррингтон. Теперь уже сэр Рэнульф, а не Рэн... Впрочем, титул не произвел на Сильвию особого впечатления. Чему удивляться, если ее сводный брат — граф?

Естественно, она знала о неожиданно свалившемся на Рэна наследстве. Когда она приезжала домой на Рождество, все только об этом и говорили, тем более что Рэн, ставший владельцем собственного поместья, уволился с должности управляющего.

Наследство оказалось неожиданностью для всех, и тем более для самого Рэна. Его двоюродному брату едва исполнилось сорок лет, и он был совершенно здоров. Естественно, никто и представить не мог, что его свалит в могилу острый сердечный приступ.

Сильвия, вежливо улыбалась, выслушивая новости, но не проявляла особого любопытства. Меньше всего ей хотелось тратить время на сплетни о Рэне.

Его жестокий отказ был давно и благополучно забыт, но... каждый раз, возвращаясь в дом своего брата, Сильвия с болью вспоминала себя семнадцатилетнюю.

Естественно, она до чертиков надоела Рэну со своей безответной любовью, но все-таки он мог бы обойтись с ней более мягко, а не...

Сильвия вспомнила, что Ллойд ждет ее ответа. Разве может она, как подсказывают ей инстинкты, полностью отказаться от общения с Рэном? Конечно, нет. Теперь она стала взрослой женщиной, женщиной, гордящейся своим профессионализмом, женщиной, которая за годы жизни в Нью-Йорке вместе с внешним лоском приобрела чувство собственного достоинства и решительность. Она любит свою работу и искренне верит, что дело, которым занимается Ллойд, стоит любых усилий.

Если честно, Сильвия обожала смотреть, как здания, приобретенные Ллойдом, возрождаются из самого жалкого состояния к блеску былой славы... Наверное, это свидетельствовало о ее идеализме, или даже о глупой романтичности, но глядя, как эти некогда роскошные дома восстают словно феникс из пепла, она испытывала настоящий душевный подъем. Сильвия прекрасно понимала Ллойда и с иронией подозревала, что поработав несколько лет назад с Рэном в поместье брата, она именно тогда осознала, насколько важно оберегать природу и архитектурные сооружения.

Однако в обязанности Сильвии входило не только разделять энтузиазм Ллойда, но и убеждаться в разумности приобретений Траста, в том, чтобы деньги не спускались на ветер — к этому вопросу Сильвия подходила со всей ответственностью. Не было ни одного проекта, ни одного счета, который бы Сильвия не проверила самым тщательным образом. В результате даже бухгалтеры Траста очень одобрительно отзывались о ее внимании к мелочам и великолепно поставленному учету.

В качестве примера можно вспомнить возражения Ллойда, когда при восстановлении Венецианского палаццо, он предпочел алый шелк, а Сильвия — золотой.

— Алый почти в два раза дороже, — строго заявила Сильвия и подкрепила свои слова весомым

аргументом, — Кроме того, судя по документам, которые нам удалось найти, эта комната первоначально была оформлена в золотистых тонах...

— Ну, золото так золото, — со вздохом согласился Ллойд.

Зато Сильвии пришлось уступить, когда через пару недель после возвращения из Венеции Ллойд преподнес ей набор очень дорогих кожаных чемоданов, обитых так, как умеют делать только в Италии.

— Ллойд, я не могу это принять, — вздохнув, возразила Сильвия.

— Почему? Разве у тебя сегодня не день рождения? — Естественно, Ллойд был прав, и Сильвия сдалась.

Но на Рождество, когда Молли принялась восхищаться чемоданами, Сильвии пришлось оправдываться перед сводным братом:

— Я не хотела брать, но Ллойд бы обиделся. Алекс, ты считаешь, я должна была отказаться...? Если ты...?

— Сильвия, чемоданы прекрасны, и ты имела полное право их принять, — мягко заверил ее Алекс. — Да кончай психовать, малявка, скомандовал он наконец.

«Малявка»! Только Алекс называл ее так, и услышав это обращение, она чувствовала себя... защищенной и окруженной заботой.

Защищенной и окруженной заботой? Она взрослая женщина и способна сама защитить себя, сама позаботиться о себе. Разозлившись, Сильвия вновь взглянула на папку, которую держала в руках.

— Ты недовольна? — спросил Ллойд, покачивая головой. — Посмотрим, Сильвия, что ты скажешь, когда увидишь этот дом. Тебе понравится. Это прекрасный образец...

— Мы уже почти исчерпали годовой бюджет, — строго возразила Сильвия, — и...

— И что? Значит, просто увеличим финансирование, — ответил Ллойд с обычным добродушием.

— Ллойд, — возмутилась Сильвия, — ты говоришь о черт знает каком количестве миллионов долларов... Траст...

— Траст — это я, — мягко возразил ей Ллойд, и Сильвия знала, что это правда. Но все равно она окинула его насмешливым взглядом, в ответ на который Ллойд высокомерно ответил, — Я делаю то, что хотел от меня старик...

— Покупая догнивающую хибару посреди Дербишира?

И все же последнее слово осталось за Ллойдом.

— Тебе понравится, Сильвия... Обещаю!

Сначала Сильвия хотела пожаловаться на занятость, чтобы он нашел кого-нибудь другого для работы с этим проектом, но так поступить ей не позволила гордость — та самая гордость, благодаря которой она с высоко поднятой головой встретила и отказ Рэна и все последовавшие

за этим события.

На этот раз они с Рэном столкнутся как равные, и теперь... теперь...

Что теперь? Теперь она не позволит ему обидеть себя. Теперь ее отношение к нему будет холодным, отстраненным и полностью деловым.

Теперь...

Сильвия зажмурилась, ощутив приятное предвкушение. В последний раз она видела Рэна три года назад — он неожиданно приехал в аэропорт, когда она улетала на учебу в Америку. Она запомнила свое изумление при виде Рэна и резкий прилив желаний.

Она все еще оставалась наивной и уязвимой, и частично продолжала верить, что он передумает... Но, естественно, он не передумал. Он всего лишь хотел убедиться, что она и вправду уезжает из страны и из его жизни.

Алекс, конечно, знал о подростковой влюбленности Сильвии в его друга и управляющего, но это было далеко не все. Он понятия не имел о том постыдном происшествии, случившемся во время учебы Сильвии в английском университете.

Об этом не знал никто. Только она и Рэн. Сейчас все это ушло в прошлое, а во время следующей встречи с Рэном превосходство будет у Сильвии — теперь уже она сможет отвечать отказом на его просьбы, а ему придется умолять и пресмыкаться перед ней.

Сильвия резко открыла глаза. Что с ней творится? Ее мысли о мести столь же глупы и наивны, как и детская страсть к Рэну. Она выше всего этого. Ей придется быть выше — этого требует ее работа. Нет, она отнесется к Рэну так же, как и к остальным клиентам, с которыми ей приходилось сотрудничать. Жестокий и безжалостный отказ Рэна в ответ на ее мольбы о любви не повлияет на ее теперешнее отношение к нему. Она выше этих мелких страстишек. С гордостью Сильвия вскинула голову и продолжила выслушивать восторженные отзывы Ллойда о его новой «находке».

Рэн обвел мрачным взглядом освобожденный от мебели, пыльный и затянутый паутиной коридор Хавертон-Холла. В неподвижном вечернем воздухе стоял густой запах пыли и плесени. В большом зале, как и везде в Хавертон-Холле, чувствовалась атмосфера безнадежного и давнего запустения, напоминавшая о старом дедушке, который владел этим домом, когда Рэн был еще маленьким. Рэн ненавидел ходить к нему в гости и жутко обрадовался, узнав, что не он, а его двоюродный брат унаследовал это огромное, пустое и неухоженное здание.

Но двоюродный брат умер, и он, Рэн, стал владельцем Хавертона, или по крайней мере был им до прошлой недели, когда наконец подписал документы, передающие Хавертон-Холл и связанные с ним проблемы в законную собственность Ллойда Келмера.

Его первой мыслью после получения неожиданного и нежеланного наследства было сплавить этот дом какой-нибудь из английских трастовых компаний. Но представители фирм кратко объясняли, что у них отбоя нет от отчаявшихся владельцев, желающих избавиться от своей собственности.

Столкнувшись с перспективой остаться не у дел и беспомощно наблюдать, как поместье приходит в еще большее запустение, Рэн растерялся окончательно. Он унаследовал только дом и землю, но не деньги, необходимые для ремонта. Поэтому, когда Алекс упомянул об

эксцентричном американском миллиардере, посвятившем свою жизнь покупке и восстановлению старинных зданий, Рэн, не теряя ни секунды, связался с ним.

К счастью, Ллойд самолично прилетел в Англию, осмотрел дом и заявил, что вполне доволен увиденным.

Однако счастье сменилось совершенно противоположным чувством, когда Рэн получил сообщение по факсу о том, что секретарь Ллойда, мисс Сильвия Беннет, вылетает в Лондон, чтобы проследить за ремонтом и обновлением дома. Конечно, Рэн мог бы просто сбежать и попросить кого-нибудь другого встретиться с Сильвией, но это было не в его духе. Он привык сам выполнять грязную работу, не думая о возможных неприятностях.

Возможных неприятностях! Его губы изогнулись в горькой усмешке. В тех неприятностях, которыми грозит ему встреча с Сильвией, нет ничего невозможного...

На протяжении нескольких лет Алекс и Молли постоянно докладывали о ее успехах. Сильвия с отличием окончила университет... Сильвия живет в Нью-Йорке и ищет работу... Сильвия нашла работу... Сильвия уехала в командировку в Венецию... В Рим... В Прагу... Сильвия... Сильвия... Сильвия...

Однако он узнавал о ней не только от Алекса и Молли. Прошлой зимой в Лондоне Рэн неожиданно столкнулся с матерью Сильвии.

Белинда с преувеличенной радостью поздравила его с недавним восшествием в круг аристократии. Она всегда отличалась крайним высокомерием. Рэн не забыл, как она ответила Алексу, когда после смерти его отца Сильвия попросилась остаться со сводным братом в «Отель-Плейс» вместо возвращения в интернат.

— Сильвия не может жить с тобой, Алекс, — резко выговаривала Белинда. — Во-первых, это неприлично. В конце концов, между вами нет кровного родства. А во-вторых... Здесь Сильвия якшается с неподходящими людьми.

Рэн, случайно оказавшийся у дверей библиотеки во время этого разговора, собрался было повернуться и уйти, как вдруг неожиданно услышал собственное имя.

Алекс спросил у мачехи:

— С какими еще людьми...?

— Ну, Рэн для начала... О, я знаю, ты считаешь его своим другом, но он всего лишь наемный работник, и...

Алекс вскипел.

— Рэн — мой друг и, между прочим, по происхождению он гораздо выше нас всех вместе взятых.

— Правда? — ехидно усмехнулась Белинда. — Может, он и лучшего происхождения, Алекс, но у него ни гроша за душой. Я боюсь, что Сильвия в него влюбится, испортит себе репутацию, и это помешает ей удачно выйти замуж.

— «Удачно выйти замуж»? — со злостью повторил Алекс. — Господи, в каком веке мы живем...?

— Сильвия моя дочь, и я не хочу, чтобы она связывалась с прислугой... включая Рэна. И раз уж мы коснулись этой темы, Алекс, я считаю, что ты, как ее сводный брат, должен заботиться о ней и защищать от неподходящих... друзей...

Рэн до сих пор не забыл свою горечь, жгучую ярость и обиду... С тех пор он старался держаться от Сильвии как можно дальше, хотя сама Сильвия всячески ему в этом препятствовала. Ему в то время было двадцать семь, на десять лет больше, чем ей. Он был мужчиной, а она все еще оставалась ребенком.

Ребенком... Девочкой, которая страстно клялась ему в любви и с еще большей страстью требовала от него взаимности, требовала, чтобы он занялся с ней любовью... чтобы показал... научил... взял ее...

Рэн готов был свернуть ей шею или... Он не забыл, как она спорила с ним, обнимала его, прижималась к его рту своими мягкими губами...

Тогда ему удалось устоять перед ней... но... только тогда...

Она всегда была пылкой натурой. Неудивительно, что ее любовь сменилась ненавистью и отвращением.

А теперь она возвращается. Не только в Англию, но сюда, в Хавертон, в его дом... в его жизнь...

Какой она стала? Красивой, конечно ... Еще в раннем детстве было очевидно, что со временем она превратится в ослепительно прекрасную женщину.

— Ты знаешь, естественно, что Сильвия работает в Нью-Йорке... с миллиардером... — хвасталась Белинда, сияя от радости. — Он от нее без ума, — добавила она, и по ее тону Рэн догадался, что Сильвию и Ллойда связывают далеко не деловые отношения...

Позже, встретив Ллойда, Рэн был потрясен до глубины души, узнав, насколько он старше Сильвии. Но в конце концов, это ее личное дело.

Сильвия... Через несколько часов она будет здесь.

— Я презираю тебя, Рэн, я тебя ненавижу, — прошипела она сквозь стиснутые зубы и отвернулась, когда Рэн, пришедший проститься с ней перед ее отлетом в Нью-Йорк, попытался поцеловать ее в щеку

«Я тебя ненавижу...»— Она произнесла это с таким же пылом, с каким когда-то кричала о своей любви.

Вторая глава

Миль за пять до пункта назначения Сильвия остановила машину у обочины дороги и выключила двигатель — не потому, что заблудилась, и не для того, чтобы насладиться красотой безлюдных Дербиширских полей, согретых ласковым вечерним солнцем.

Нет, причина ее остановки заключалась во взмокших от волнения ладонях и предательском смятении мыслей и чувств.

Когда они наконец встретятся... столкнутся... с Рэном, ей хотелось бы сохранить спокойствие и контроль над ситуацией. Она уже не восторженная девочка, умирающая от любви, а женщина,

делающая свою работу. Она не позволит личным чувствам влиять на свои решения.

Многие завидовали ее работе — еще бы, Сильвия разъезжает по всему свету, живет в самых прекрасных домах, имеет возможность нанимать самых высокооплачиваемых работников. Но это далеко не все.

Как одобрительно заметил Ллойд в прошлом году, оценивая проделанную работу в итальянском палаццо, Сильвии удавалось не только учесть все исторические детали, не только привести стиль оформления в соответствие с первоначальным убранством помещений, но и проявить такую необычайную практическую сметку, которая позволяла ей выполнить всю работу вовремя и уложившись в бюджет.

Это давалось не так уж легко. Она проводила долгие часы за изучением смет и калькуляций, а еще дольше бегала по складам, подбирая ткани и мебель. Из-за возраста строений ей частенько приходилось находить и нанимать работников, способных выполнить копии требуемых предметов мебелировки. В Италии и, как ни странно, в Лондоне можно было найти множество таких умельцев, но их услуги стоили больших денег. Сильвия сама удивлялась своей способности спорить и торговаться до тех пор, пока не получала желаемый результат за сравнительно небольшую сумму.

Естественно, ей приходилось проявлять немалую твердость в общении с нанятыми работниками и с бывшими владельцами, за которыми очень часто оставалось право пожизненной аренды, и которые не могли удержаться от советов насчет ремонта и будущего оформления дома.

Да, Сильвии удалось уладить несколько особо трудных случаев, пустив в ход такт и терпение.

Требовался определенный навык, чтобы не задеть очень чувствительную гордость бывшего хозяина, и в то же время обставить дом в соответствии со вкусами Ллойда.

Но сейчас ей придется считаться не только с чувствами бывшего владельца. Нет, на этот раз могут быть задеты ее собственные чувства и самые глубокие переживания.

Закрыв глаза, она глубоко вздохнула, вытерла руки салфеткой и снова завела двигатель.

Сильвия взяла напрокат джип не только потому, что в окрестностях Хавертон-Холла почти не было мощеных дорог. По опыту она знала, что мощный «внедорожник» окажется настоящим подспорьем, когда ей придется рыскать по всей округе в поисках материалов для ремонта.

Десять минут спустя она въехала в распахнутые настежь ворота Хавертон-Холла. Две сторожевые будки по обе стороны ворот, объединенные красиво изогнутой аркой, выглядели совсем обветшалыми.

Сильвия знала, что они построены в то же время, что и основное здание, по проекту одного из лучших архитекторов.

Ведущая к дому дорога петляла между двумя рядами деревьев, некоторые из которых были вырублены, нарушая тем самым первоначальную симметрию. Но оставшиеся настолько разрослись, что совершенно загораживали дом, и Сильвия смогла разглядеть его только за последним поворотом.

У нее перехватило дыхание. Сильвия привыкла к красивым постройкам — к примеру,

наследственный дом Алекса славился своей изысканной планировкой. Но это здание, несмотря на свой потрепанный вид, было чем-то особенным, и Сильвия сразу поняла, чем оно так понравилось Ллойдю.

Расположенный на небольшом холме, с которого открывается прекрасный вид на окружающие сады, этот дом сочетает в себе все достоинства неоклассической архитектуры, — размышляла Сильвия, медленно въезжая на покрытую гравием площадку у центрального крыльца. Остановив машину, она раскрыла дверь и вышла наружу.

Рэн глядел на нее из окна второго этажа. Она приехала ровно за пять минут до назначенного срока. Рэн поморщился, вспомнив маленькую Сильвию и ее вечную привычку все время опаздывать.

Они встретились на крыльце. Рэн распахнул тяжелую входную дверь в тот самый момент, когда Сильвия шагнула на верхнюю ступеньку. Она остановилась, заметив его, и замерла, словно газель, почуявшая запах леопарда.

Он совсем не изменился. Высокий, широкоплечий, с гладкой здоровой кожей сельского человека, с загорелыми руками, в узких джинсах, обтягивающих длинные, мускулистые ноги, и в слегка поношенной рубашке. Его волосы были такими же густыми, как прежде, подбородок остался таким же твердым — никаких следов распутства, вопреки сплетням, услышанным от ее матери или от Молли, о бесконечной веренице богатых, изысканных женщин в его жизни. Рэна всегда тянуло именно к таким женщинам — чуть старше него, элегантным, опытным, знающим о таких вещах, которые и не снились юной семнадцатилетней обожательнице.

Изменились только глаза. О, они сохранили свой потрясающий цвет — нечто среднее между ониксом и темным золотом, с сияющими умопомрачительными искорками, в обрамлении невероятно длинных, густых, черных ресниц.

Да, все это ей знакомо; но чувственность его взгляда, проблеск мужского интереса в глазах Рэна, когда он посмотрел на ее грудь, прикрытую футболкой, и стройные бедра, обтянутые простыми голубыми джинсами... такого она не ожидала, по крайней мере, от него.

Сильвия инстинктивно взглянула на него с холодным возмущением. И тогда кто-то из них сократил разделяющее их пространство с безопасных нескольких метров до одного шага.

Кто-то из них... К своей досаде, Сильвия заметила, что не только Рэн придвинулся к ней ближе, а и сама она шагнула напрямиком к входной двери вместо того, чтобы обойти Рэна по краю крыльца. Когда она успела сделать шаг... и как, даже не заметив этого...? Рэну всегда удавалось сбивать ее с толку. Все это в прошлом, — со злостью напомнила себе Сильвия. И, чтобы дать понять это Рэну, она протянула ему руку и с улыбкой превосходства произнесла, слегка повысив голос:

— Рэн, замечательно, я рада, что ты здесь. Мы можем сразу перейти к делу. Я изучила план здания, но так как планы почти всегда отличаются от реальности, то...

Боже, как она хороша, — думал Рэн. Он чувствовал жар, растекающийся по жилам. Она всегда была красивой. Но раньше это была невинная, детская красота... Теперь же ее сексуальность поражала, как удар под дых.

Что касается ее покровительственного тона и протянутой для рукопожатия ладони... Позже Рэн прекнет себя в безрассудстве, но сейчас...

Не замечая ее протянутой руки, он преодолел разделяющее их расстояние и, прежде чем Сильвия успела опомниться, обнял ее за талию и вдохнул ее опьяняющий аромат.

— Рэн!

Неужели это действительно ее голос с таким мягким, хриловатым, и несомненно чувственным звучанием, в котором больше приглашения, чем протеста?

Было слишком поздно что-то менять; Рэн, побуждаемый ее «протестом», уже начал действовать. Его руки скользнули от ее талии к плечам, и он привлек ее ближе, его рот прижался к ее губам в далеко не братском поцелуе. У Сильвии закружилась голова, хотя именно об этом она мечтала долгие годы.

В отчаянии она попыталась сопротивляться, но бесполезно. Ее собственные чувства изменили ей, приняв сторону Рэна.

— Рэн...

Сильвия инстинктивно прильнула к нему, прижалась всем телом, ощутив восхитительную смесь страха и удовольствия.

— Ммм...

Под ее ладонями тело Рэна казалось таким большим, таким твердым, таким...

Она запустила руки ему под рубашку, наслаждаясь прикосновениями к его разгоряченной коже.

Она почувствовала его дрожь, и сама задрожала в ответ.

Единственный мужчина видел ее тело обнаженным, ему одному она показала себя всю, гордясь своей женственностью, своей сексуальностью, своим желанием, не опасаясь... даже не задумываясь о том, что он может ее отвергнуть.

Отвергнуть ее!

Внезапно Сильвия замерла, ее ногти впились в спину Рэна, как только она с ослепляющей ясностью поняла, чем занимается и, главное, с кем.

— Отойди от меня... — гневно потребовала она и столь же гневно его оттолкнула, залившись краской унижения и стыда. Рэн немедленно подчинился и, не сводя глаз с ее лица, расстегнул ремень и начал заправлять рубашку в джинсы.

Сильвия поняла, что ее румянец стал гораздо гуще, но все же заставила себя не отворачиваться, пока он неторопливо приводил себя в порядок.

Наконец Рэн застегнул свой ремень и, глядя ей прямо в глаза, насмешливо поприветствовал:

— Добро пожаловать в Хавертон-Холл...

Сильвия отдала бы все на свете за достаточно едкий ответ, но ей так ничего и не пришлось на ум. Самое ужасное заключалось в том, что несмотря на все свои планы и данные себе обещания, она все же уступила ему. А еще хуже... гораздо хуже... Сильвия проглотила знакомый комок, подступивший к горлу. Никогда... Она не пройдет по этому пути снова... Ни за что на свете.

Наглый, эгоистичный, можно сказать, жестокий поступок Рэна подтверждал все самое плохое, что о нем говорили. Сильвия не питала иллюзий насчет причин его поцелуя... Он хотел напомнить ей не только о прошлом, но и об его превосходстве... хотел сказать, что на тот срок, пока им придется работать вместе, он всегда сможет надавить на нее... и причинить боль.

Сильвия резко отвернулась, не дожидаясь, пока он увидит выражение ее глаз.

— Это озеро нужно очистить, — твердым голосом заявила она, глядя, прищурившись, на большое декоративное озеро в нескольких сотнях метров от дома.

Эти слова оказались ошибкой. Когда Рэн ответил, в его голосе явственно чувствовалась насмешка.

— Да, конечно, но будем надеяться, что на этот раз ты не нырнешь головой в грязь. А не то нам придется окатить тебя из шланга. Не представляю, чтобы миссис Эллиот пустила тебя в Дом священника облепленную грязью и тиной...

Сильвия замерла, в первую секунду она даже пропустила мимо ушей напоминание об унижительном происшествии, когда, будучи еще подростком, она потеряла равновесие и бултыхнулась в пруд в поместье Алекса.

— В Дом священника? — переспросила она с угрожающим спокойствием.

Из отчета Сильвия вычитала, что Рэн живет в построенном в восемнадцатом веке доме приходского священника, являющемся частью имения. Судя по планам и фотографиям, это большое и красивое здание, утопающее в зелени, и Сильвия не слишком удивилась, узнав, что оно было выстроено специально для младшего сына владельца, решившего стать священнослужителем.

— Гм... ты не могла увидеть его с дороги. Это в другой стороне. Я сейчас живу там и попросил миссис Эллиот, бывшую домработницу моего двоюродного брата, приготовить для тебя комнату. Ллойд предупредил, что твоя работа может затянуться на несколько месяцев, и мы с ним договорились, что поскольку до ближайшего города далеко, а ты привыкла тратить деньги очень экономно, лучше тебе будет поселиться в Доме священника.

Его слова звучали разумно, но все же... она уже не ребенок, и не нуждается в указаниях Рэна!

— Но ты сам живешь в Доме священника, — торопливо возразила Сильвия.

Рэн удивленно изогнул бровь.

— Там десять спален, Сильвия, не считая верхнего этажа — хватит места для нас обоих.

— Эта миссис Эллиот тоже здесь живет? — чопорно поинтересовалась Сильвия.

Рэн секунду смотрел на нее, а затем разразился хохотом.

— Нет, — невозмутимо ответил он, — хотя лично мне это без разницы. Нам уже приходилось жить под одной крышей, Сильвия, и если ты до сих пор переживаешь из-за своих хождений во сне... — Он оскалился и, к ее ярости, насмешливо похлопал ее по руке, продолжая смеяться. — Не волнуйся. Я повешу замок на свою дверь, чтобы ты не забрела ко мне ночью...

Сильвия от злости утратила дар речи.

— Что не так? — невинно спросил Рэн. — Нет ничего постыдного в том, что иногда у тебя бывают приступы лунатизма... Конечно, лучше бы заранее позаботиться, чтобы ты не ложилась спать голой, но я предупрежу миссис Эллиот и...

Сильвия зарычала от бешенства, заставив его умолкнуть.

— Это было много лет назад, еще в детстве, и случилось всего один раз... Теперь я уже не хожу во сне...

Что она делает? Что она говорит? Как она допустила такое? Сильвия стиснула зубы. Да, однажды, когда она была сильно расстроена повторным замужеством матери, с ней случился приступ лунатизма, и Рэн случайно встретил ее в коридоре. Это произошло всего один раз и никогда не повторялось. И даже во время ее безумной влюбленности в Рэна ей и в голову не пришло нарочно прокрасться в его спальню. Она была слишком честной, слишком наивной для этого.

— Нет! Тогда что тебя беспокоит? — Внезапно лицо Рэна стало серьезным. — Если тот факт, что ты будешь жить под моей крышей, пока Ллойд в Нью-Йорке...

— Твоей крышей? — выпалила Сильвия, ухватившись за возможность выбить у него почву из-под ног и снова овладеть ситуацией. Она едко усмехнулась. — Дом священника больше не твой, Рэн. Поскольку это часть поместья, он перешел в собственность Траста и...

— Вовсе нет, — так же торопливо перебил ее Рэн. — Я сохранил за собой Дом священника и землю. Я намерен возделывать этот участок и получить лицензии на лов рыбы и охоту.

Сильвия растерялась. Раньше Ллойд никому такого не позволял. Обычно он настаивал на покупке всей земли, примыкающей к дому.

— Если ты согласна последовать за мной, мы можем съездить к Дому священника прямо сейчас, — невозмутимо предложил Рэн.

Сильвия покачала головой.

— Нет... сначала я хочу осмотреть здание.

Рэн устался сначала на нее, а затем на свои часы.

— Это займет не меньше двух часов, а может и дольше; сейчас уже вечер.

Сильвия выгнула бровь.

— И что из этого?

Рэн пожал плечами.

— Я просто подумал, что после перелета через Атлантику и долгой поездки из аэропорта ты захочешь сначала отдохнуть. А потом уже осмотришь дом на свежую голову.

— Ты отстал от жизни, Рэн, — сообщила ему Сильвия с высокомерной улыбкой. — На дворе девяностые годы. Сегодня ничего не стоит перелететь через Атлантику ради делового завтрака и вернуться к обеду.

Рэн снова пожал плечами и махнул рукой в направлении входной двери.

— Хорошо... после вас...

Входя в дом вслед за Сильвией, Рэн на мгновение замедлил шаг. Потрясение от встречи с ней оказалось слишком сильным. Он ожидал увидеть женщину, а не девочку, которую когда-то провожал на самолет, летящий в Америку. Лики женственности могут быть очень разными, но ни один из них не мог произвести на него такого ошеломляющего впечатления, какое произвела Сильвия.

Ее волосы, длинные и густые, падали на плечи потоком жидкого золота. Глядя на них, глядя на нее, Рэн умирал от желания коснуться этих шелковистых прядей...

У него все сжалось внутри. Белоснежная футболка мягко облегла ее высокую грудь. Те футболки, которые она носила в детстве были большими, мешковатыми и всегда чем-то заляпанными.

Рэн был уверен, что такие футболки, как эта, совершенно не предназначены для работы.

А ее джинсы...!

Рэн зажмурился. Почему эти простые голубые штаны, любовно обтягивающие женскую фигуру, так возбуждают мужчин?

Внезапно он понял, что если бы не был знаком с Сильвией и увидел бы ее на улице, идущую впереди, то непременно ускорил бы шаг, чтобы оценить, настолько ли хорошо ее лицо, как вид сзади.

Но это не какая-нибудь незнакомка, а Сильвия.

— Я сказала Алексу, чтобы он уволил тебя, если ты не будешь держаться подальше от Сильвии, — заявила однажды ее мать.

Она застала Рэна в неподходящее время, и он инстинктивно огрызнулся, хотя и пожалел впоследствии о своем ответе.

— Вы лучше Сильвию предупреждайте, чтобы держалась от меня подальше. Это она ко мне пристает. В ее возрасте все девочки такие, — злобно добавил Рэн, глядя на поджатые губы Белинды.

И тогда он заметил Сильвию, проскользнувшую в открытую дверь кабинета Алекса. Подслушивала? Рэн надеялся, что нет. Хотя она и докучала ему своей любовью, он не хотел обижать ее. Но теперь, глядя на нее, Рэн понял, что если их встреча и принесет кому-то боль, то только ему! Зачем она выбрала себе в любовники человека, годящегося ей в отцы? Теперь Рэн начал это понимать. Хотя бы потому, что она слишком рано потеряла отца.

Сильвия открыла незапертую дверь дома и скрылась внутри. Рэн угрюмо побрел следом.

Третья глава

Они осмотрели нижний этаж, прошли по элегантной галерее с окнами, выходящими в парк, и только начали исследовать просторный бальный зал, как Сильвия вдруг поняла, что Рэн был прав, советуя ей отдохнуть перед осмотром дома.

Комнаты Хавертон-Холла не были такими огромными, как залы итальянского палаццо с их

мраморными полами, но Сильвия уже утратила счет многочисленным гостиним, через которые ей пришлось пройти на нижнем этаже. Одна только галерея тянулась целую милю, а когда Сильвия взглянула на покрытый пылью паркетный пол бального зала, у нее екнуло сердце при мысли о предстоящем осмотре высоких потолков и мозаичных панелей. А ведь останутся еще и верхние этажи! Но Сильвия не могла проявить слабость перед Рэном. Поэтому, не обращая внимания на первые признаки подступающей головной боли, она глубоко вздохнула и принялась осматривать панели.

— Первое, что нужно сделать, это составить отчет о размерах разрушений, — сказала она Рэну твердым деловым тоном.

Рэн перебил ее.

— Это не обязательно.

Сильвия остановилась и со злостью на него взглянула.

— Рэн, ты должен понять, — многозначительно заявила она. — Здесь я ответственна за все. Твое одобрение мне не требуется. Дом разрушается. Нам нужен отчет специалистов о размере ущерба.

— Я уже его получил.

Сильвия нахмурилась.

— Когда...? — начала она.

Но прежде, чем она успела закончить, Рэн невозмутимо ответил:

— Было ясно, что Трасту понадобится результат полного структурного обследования дома, поэтому я и провел его, чтобы сэкономить время. Я дам тебе копию отчета. Я уже выслал один экземпляр в Нью-Йоркский офис Троста на прошлой неделе.

У Сильвии сильнее забилося сердце, а на щеках появился гневный румянец.

— Ты заказал полное обследование? — с угрожающим спокойствием спросила она. — Можно узнать, кто дал тебе на это право?

— Ллойд, — последовал краткий и ошеломляющий ответ.

Сильвия открыла рот, но тут же снова его захлопнула. Это было вполне в духе Ллойда, и она это понимала. Он думал только о том, чтобы побыстрее довести до ума свой последний излюбленный проект. Естественно, он не знал, в отличие от Сильвии, что Рэн не столько пытается помочь, сколько стремится пошатнуть ее авторитет.

— Как я понял, ты не читала отчет, — продолжил Рэн таким тоном, словно разговаривал с нерадивой школьницей, не выучившей домашнее задание.

Сильвия скрипнула зубами.

— Я не получала никакого отчета, — едко ответила она.

Рэн пожал плечами.

— Что ж, у меня еще остался экземпляр. Хочешь продолжить осмотр, или сначала отчет считаешь?

Если бы этот вопрос задал кто-то другой, Сильвия бы с радостью воспользовалась возможностью отложить работу до тех пор, пока не отдохнет и не избавится от жуткой головной боли. Но так как это был Рэн, Рэн, которому она не собиралась ни в чем уступить, Сильвия покачала головой и сердито ответила:

— Когда я захочу изменить свои планы, Рэн, я сообщу тебе об этом.

Он слегка изогнул бровь, но ничего не сказал.

Всю неделю стояла жара, и в бальном зале нечем было дышать. Висящая в воздухе пыль забивала ноздри.

Сильвия чихнула и поморщилась от усилившейся боли. Яркий солнечный свет вливался в окна, вызывая у нее странную дурноту... Она отвернулась и охнула, почувствовав, как кровь застучала в висках от малейшего движения.

Такие сильные боли беспокоили ее очень редко. Обычно причиной их было переутомление. Украдкой от Рэна, она осторожно потерла виски.

— Берегись... — предупредил ее Рэн.

— Что? — Сильвия метнулась в сторону и покраснела, когда Рэн указал на полуотвалившийся кусок штукатурки, прямо над ее головой.

На свету Сильвию тошнило все сильнее. В отчаянии она зажмурилась и тут же пожалела об этом, ощутив сильнейший приступ головокружения.

— Сильвия...

Она торопливо открыла глаза.

— Что с тобой? — резко спросил Рэн.

— Ничего, — со злостью огрызнулась Сильвия. — Всего лишь головная боль.

— Головная боль...? — Рэн с удивленным видом взглянул на ее белое, как мел, лицо и выступившую на лбу испарину. — На этом все, — твердо заявил он. — Закончим завтра. Тебе нужно отдохнуть.

— Я должна делать свою работу, — дрожащим голосом возразила Сильвия, но Рэн пропустил ее ответ мимо ушей.

— Ты сможешь дойти до машины? — спросил он. — Или тебя придется нести?

Сильвия окинула его яростным взглядом.

— Рэн, я в порядке, — солгала она и охнула, когда за неосторожным движением последовал очередной прилив боли.

Рэн тут же схватил ее за руку и потащил к дверям, не обращая внимания на ее возмущенные вопли

На верхней ступени лестницы он развернулся и подхватил Сильвию на руки, прошипев сквозь зубы:

— Если собираешься упасть в обморок, Сильвия, можешь сделать это сейчас.

Сильвия хотела сказать ему, что вовсе не намерена падать в обморок, но ее лицо прижималось к его плечу, а ее губы, если бы она попробовала заговорить, коснулись бы его теплой кожи и...

Судорожно сглотнув, она попыталась изгнать боль с помощью самовнушения, но это не помогло. По опыту она знала, что единственным лекарством был бы хороший сон.

Спустившись, Рэн пересек прихожую, распахнул ударом ноги входную дверь и вынес Сильвию на воздух.

— Что ты делаешь? — спросила Сильвия, когда он пронес ее мимо джипа к своей машине.

— Везу тебя домой... в Дом священника.

— Я могу доехать сама, — заспорила Сильвия, но Рэн только рассмеялся в ответ.

— Ни за что... — Затем он опустил ее на заднее сиденье своего «лендровера», такого же древнего, как и тот, на котором Рэн когда-то разъезжал по поместью Алекса. Пока Сильвия пыталась усесться поровнее, он прыгнул на сиденье водителя и повернул ключ зажигания.

— Рэн... мои вещи... — Рэн явно не собирался выслушивать ее возражения. Поскольку перекричать шум двигателя не представлялось возможным, Сильвия прекратила свои попытки остановить Рэна и свернулась комочком на сидении, нахохлившись и уставившись в окно.

Рэн мрачно взглянул на ее ссутуленные плечи и повернутое в профиль лицо. В этой позе она казалась очень незащищенной, похожей не на сильную, облеченную властью деловую женщину, а на девочку, которую он помнил.

«Лендровер» свернул на грунтовую дорогу, ведущую к Дому священника.

Девочка или женщина, какая теперь разница? Рэн шепотом выругался. Внезапно его внимание привлекли несколько оленей, пасущихся у дороги. Предполагалось, что они не должны выходить с территории парка, прилегающей к дому и отведенной под пастбище. Должно быть, в изгороди есть дыра — в той новой изгороди, на постройку которой ушли почти все его скудные сбережения. А значит... В округе ходили слухи о ворах; местные фермеры часто жаловались на кражи скота.

Как только он отвезет Сильвию в дом, надо будет прогуляться по окрестностям и проверить изгородь.

Сильвия поморщилась, когда колесо «лендровера» угодило в яму, и с трудом удержалась от вскрика. По крайней мере, ей показалось, что крик боли она сдержала, но Рэн все же что-то почувствовал и резко спросил:

— Что случилось? Что с тобой?

— Ничего... Просто болит голова, — выдавила она и покраснела, поняв, что Рэна обмануть ей не удастся.

— Болит голова? По-моему, это сильнейшая мигрень. У тебя есть какие-нибудь лекарства

или...?

— Это не мигрень. Это... у меня... от усталости. Это... случается время от времени. Поездки... перелеты...

Рэн поджал губы.

— Что с тобой, Сильвия? — тихо спросил он. — Почему тебе так трудно признать свою слабость? Что заставляет тебя из кожи вон лезть? Любой человек на твоём месте, которому бы пришлось перелететь через Атлантику и проехать без остановки пятьдесят миль, непременно отдохнул бы перед работой, но ты...

— Может это и в обычаях британцев, но в Америке все по другому, — резко ответила Сильвия. — Там в людях ценят способность работать в полную силу и...

— И загонять себя до полусмерти? Я думал, Ллойд... — Рэн замолчал, не желая говорить о тех взаимоотношениях, которые, по его мнению, связывали Сильвию и её начальника. — Я думал, он заботится о тебе... дорожит тобой...

Сильвия уселась ровно, не обращая внимания на пульсирующую головную боль, и сердито взглянула на Рэна.

— Ллойд не... не...

Она умолкла, покачав головой. Как она сможет рассказать Рэну или кому бы то ни было о своих побудительных мотивах, о своих воспоминаниях и страхах? В переходном возрасте она совершила слишком много глупостей, доставила неприятности самым близким людям, а о своей связи с Уэйном ей придется сожалеть до конца жизни.

В то время Сильвия, конечно, не представляла, что он за человек. В своей наивности она даже не догадывалась, что он не просто рубаха-парень, покупающий горсть наркотических таблеток и раздающий их своим друзьям на дискотеке.

Когда она бросила университет и прибилась к Уэйну и его компании, то очень быстро поняла свою ошибку. Сильвия знала, что будет вечно благодарна Алексу и Молли не только за то, что они помогли ей выпутаться из опасной ситуации, но и за то, что они поддержали её, поверили в её раскаяние и помогли вернуться к нормальной жизни.

Они с Уэйном не были любовниками, хотя многие из её знакомых не могли в это поверить, как и в то, что Сильвия не употребляла наркотики. Но общение с ним наложило на неё отпечаток, она узнала о многих грязных сторонах жизни. После того, как Алекс, уладивший её отношения с матерью и с университетскими преподавателями, помог ей восстановиться в университете, она поклялась себе, что отплатит ему и Молли за их любовь и поддержку, доказав, что все их усилия были не напрасны.

Вернувшись к учебе, она заработала репутацию затворницы и зубрилы; с вечеринками и свиданиями было покончено, а наградой за подобное отношение послужили отличные оценки на экзаменах.

А теперь, как и в случае с Алексом и Молли, Сильвия старалась оправдать доверие Ллойда. Это правда, что иногда она доводит себя до переутомления... но от этого слова Рэна почему-то не кажутся менее обидными.

Если Сильвия так уж старалась проявить свою энергию и деловитость, зачем ей желать, чтобы Рэн обращался с ней более мягко, заботливо или даже нежно...

— Какого черта ты не сказала, что тебе плохо?

Резкое замечание Рэна нарушило ход ее мыслей, высветив всю их глупость и наивность.

— Это еще зачем? Вряд ли акционерам Траста понравилось бы, если бы я принялась растрачивать время, а следовательно и деньги, на болтовню о своем здоровье. Мы с тобой давно знакомы, Рэн, но насколько я понимаю, сейчас нас связывает только дело.

Прошло несколько секунд, прежде чем Рэн удостоил ответом ее выразительную речь. Сильвия уже решила, что он и вовсе ее не слушал, как вдруг он обернулся и произнес:

— То есть, между нами теперь чистый бизнес и только?

Сильвии потребовалось все ее мужество, чтобы встретиться с ним взглядом, но каким-то образом ей это удалось, хотя дыхание у нее замерло, а сердце заныло почти так же, как и голова.

— Да.

Рэн первым отвел взгляд, его лицо окаменело.

— Что ж, как хочешь, — резко ответил он.

Его ответ вместо чувства облегчения вызвал в ней... что? Разочарование из-за того, что Рэн не стал возражать, не дал ей возможность вступить в спор. Но зачем? Что она хочет ему доказать?

Разозлившись на себя, Сильвия покачала головой. Естественно, ей нечего доказывать. Она высказала все, что хотела, и теперь Рэн понял, какими она видит их будущие взаимоотношения. Теперь он твердо знает, что если бы не его сделка с Трастом, у Сильвии не было бы ни причин, ни особого желания иметь с ним дело.

Впереди мелькнула небольшая рощица. Рэн свернул и, промчавшись мимо красной кирпичной стены, въехал в распахнутые ворота.

От показавшегося за воротами дома у Сильвии перехватило дыхание.

Она привыкла к величественным и красивым зданиям, к изысканной архитектуре, к такому великолепному пейзажу и внутреннему убранству, что глаз нельзя было отвести. Но это было нечто иное.

Этот дом казался ей настолько знакомым, как будто она уже ходила по его коридорам, исследовала каждую комнату, каждый уголок. Это был дом, который она рисовала себе в своих детских фантазиях. Дом, предназначенный для семьи, о которой она так долго мечтала.

Сильвия, как зачарованная, смотрела на стены из красного кирпича, отмечая взглядом профессионала идеальную симметрию окон. Старая глициния заплетала всю стену фасада, ее ствол и ветви казались серебристо-серыми на теплом оттенке камня; время ее цветения уже прошло, но густая зелень листвы продолжала радовать глаз.

Перед тем, как мать Сильвии вышла замуж во второй раз, они жили в маленькой лондонской квартирке. Мама была очень общительным человеком и постоянно участвовала во всяких

благотворительных делах, но Сильвия никогда не чувствовала себя уютно в изысканно обставленных комнатах. До папиной смерти у них был большой дом в окрестностях Лондона, и Сильвия скучала по той свободе, которую давала ей сельская жизнь.

Чтобы утешить себя, она выдумывала свой идеальный дом и, соответственно, идеальную семью: маму, папу, дочку — то есть, себя, еще одну сестру, чтобы было с кем играть, и брата тоже, а также бабушек, дедушек, тетю, дядю и двоюродных братьев и сестер. Всю свою творческую энергию, всю фантазию она отдавала мечтам об этом доме. Дом, предназначенный для большой семьи, дом, в котором будут жить любовь и забота... дом, вокруг которого достаточно земли, чтобы завести пони. Дом... дом... Этот дом!

Рэн остановил свой «лендровер». Сильвия, дрожа, вылезла наружу, не сводя глаз с дома, не замечая странного взгляда Рэна.

На секунду, увидев на ее лице это просветленное выражение, Рэн как будто перенесся в прошлое... в те дни, когда она смотрела на него такими же сияющими глазами, в те дни, когда...

Он мрачно напомнил себе недавние слова Сильвии, установленные ею границы. Она ясно дала понять, что вернулась в его жизнь исключительно из-за дела и, будь у нее выбор, предпочла бы работать в другом месте и с другим человеком...

Под подошвами Сильвии заскрипел гравий, когда она, словно во сне, побрела к входной двери Дома священника.

Сильвия знала, что скрывается за этой дверью. Светлые стены прихожей и полированная антикварная мебель, блестящие паркетные полы, ковры и вазы с полевыми цветами. Картина, созданная ее воображением предстала перед ней, как наяву — она даже чувствовала запах цветов... видела довольный взгляд кошки, привольно разлегшейся на ковре, хотя ее законное место было не здесь, а на кухне.

Машинально потянувшись к дверной ручке, Сильвия неожиданно опомнилась. Смутьившись, она шагнула в сторону, стараясь не глядеть на Рэна, поворачивающего ключ в замке.

Как жаль, что именно Рэн владеет этим домом, воплотившим в себе ее детские мечты и чаяния.

Дверь распахнулась. Рэн пропустил Сильвию вперед, но сделав шаг, она резко остановилась. Перед ее ошеломленным взглядом предстали выгоревшие обои и облупившаяся темная краска. На месте блестящего паркетного пола оказалась ковровая дорожка, такая старая и изношенная, что ее первоначальный цвет почти невозможно было различить.

Конечно, здесь имелаась мебель, не антикварная, а просто старая и запыленная, но не было цветов, не было приятного аромата и, что вовсе не удивительно, не было кошки.

— В чем дело? — спросил Рэн.

Приступ острой зависти, испытанный Сильвией при виде дома, сменился глубокой грустью. Здесь было довольно чисто, если не считать резкого, химического запаха, вызывающего желание чихнуть, но изнутри это здание вовсе не напоминало дом ее мечты.

Она услышала позади шаги Рэна.

— Я отведу тебя в твою спальню, — сказал он. — У тебя есть что-нибудь от головной боли?

— Да, но в сумке, которая осталась в арендованной машине.

Пару минут назад, восхищаясь внешним обликом Дома священника, Сильвия и про головную боль забыла, но теперь, от сильного запаха в коридоре, боль нахлынула с новой силой. Нужно было побыстрее прилечь в какой-нибудь темной и тихой комнатке.

— Сюда, — зачем-то пояснил Рэн, направляясь вверх по лестнице.

Когда-то эта лестница была довольно изящной; оригинальные перила давно исчезли, а вместо них стояло такое уродство, что Сильвия вздрогнула от отвращения.

Здесь совсем грустно и неухожено, — решила Сильвия, поднявшись на просторную лестничную площадку, покрытую таким же отталкивающим темно-коричневым ковром, как и в прихожей на первом этаже.

— Здесь жил твой дедушка? — с любопытством спросила Сильвия.

— Нет. Этот дом сдавался. Когда мой двоюродный брат получил наследство, он переехал сюда, а после его смерти... Сначала я решил продать дом, но возможных покупателей отталкивало то, что отсюда слишком далеко до шоссе. А поскольку я решил заняться фермерством, пришлось самому сюда переехать. Конечно, тут еще работать и работать...

Сильвия промолчала, но ее выразительный взгляд оказался слишком многозначительным. Рэн холодно добавил:

— Да, я понимаю, ты привыкла к самому лучшему, и тебе здесь не нравится. Прости, что единственное жилье, которое я могу тебе предложить, не соответствует уровню твоих запросов...

Глаза Рэна потемнели, когда он представил себе изысканную обстановку дома Алекса и роскошь, которой окружил Сильвию Ллойд. Но Сильвии, прекрасно помнившей, как Рэн однажды застал ее в гораздо более примитивных условиях, когда она бродяжничала с компанией Уэйна, его взгляд показался явной насмешкой.

— Тебе сюда. — Рэн провел ее по коридору, раскрыл одну из дверей и остановился, пропуская девушку вовнутрь.

Спальня оказалась просторной, с двумя окнами, сквозь которые вливался яркий вечерний свет. Старомодная деревянная мебель была безупречно чистой, но ей не хватало того теплого блеска, который достигается долгим и тщательным уходом. Пустая каминная решетка, которую Сильвия украсила бы коллекцией засушенных цветов или занавесила вышитой шторкой, только тем и оставалась — пустой каминной решеткой. Занавески и постельное белье были новыми и, как она подозревала, специально купленными к ее приезду. Пол покрывал такой же мрачный коричневый ковер, что и на первом этаже.

— У тебя будет отдельная ванная, — сказал Рэн, пройдя через комнату и толкнув еще одну дверь. — Здесь все старое, но работает хорошо.

Заглянув в ванную, Сильвия сухо прокомментировала:

— Может, для тебя это и старье, Рэн, но сейчас такие простые белые раковины как раз в моде.

— За этой стеной гардероб и буфет, — продолжил Рэн, указывая на ряд встроенных шкафов. — Вчера мне было некогда, но завтра я принесу снизу письменный стол.

— Конечно, мне ведь надо будет куда-то поставить компьютер, — поддакнула Сильвия. — Но мне понадобится еще одна комната, думаю, в самом Холле, чтобы устроить кабинет. Но это мы сможем обсудить и позже. А где твоя домработница? Мне бы хотелось с ней поговорить...

— Миссис Эллиот... Она придет завтра. Тогда я вас и познакомлю. Слушай, — Рэн взглянул на часы, — боюсь, мне придется тебя оставить. Я должен идти, но если тебе нужно обезболивающее...

— Я бы предпочла мои собственные лекарства, — съехидничала Сильвия, — но раз уж я не могу их взять, спасибо, не надо. Что мне действительно нужно, так это мои вещи.

— Если ты дашь мне ключи от твоего джипа, я пригоню его сюда, — предложил Рэн. — Только подожди пару минут, пока я позвоню.

Протягивая ему ключи, Сильвия думала о том, где и с кем он собирается провести вечер.

Рэн очень привлекательный мужчина; даже она не может это отрицать.

— Не думаю, чтобы Рэн когда-нибудь женился, — сказал однажды Алекс.

— Почему? — с любопытством поинтересовалась Сильвия. Ее влюбленное детское сердечко лихорадочно забилось при мысли о том, чтобы выйти за Рэна, стать его женой, разделить с ним жизнь и постель... С дрожью сладостного предвкушения она готовилась выслушать рассказ сводного брата о таинственной незнакомке в жизни Рэна, слишком молодой для него... слишком особенной... о себе...

Но с разочаровывающим прозаизмом Алекс ответил:

— Зарплата управляющего и крохотный домик, в котором он живет, вряд ли устроят тех женщин, с которыми привык встречаться Рэн. А он слишком гордый, чтобы сидеть на шее у жены...

— Женщин...? — несчастным голосом переспросила Сильвия. Но тут вмешалась ее мать, давно прислушивающаяся к диалогу.

— Лучше бы Рэн женился на какой-нибудь фермерской дочке, на девушке, которой подошла бы такая жизнь...

Сильвия вспомнила, как Алекс изогнул бровь, возмущенный высокомерием мачехи. Но теперь, естественно, планы Рэна изменились. Она знала, сколько заплатил ему Ллойд. Даже с вычетом налогов сумма очень внушительная, намного больше, чем Сильвия унаследовала от отца.

Да, с такими деньгами в кармане и с землей, которая непременно начнет приносить доход, Рэну есть что предложить своей будущей жене.

Вообще-то Сильвию никогда особенно не волновали чужие деньги. Может, «рай в шалаше» и был всего лишь детской мечтой, но тайно Сильвия продолжала в это верить. И, естественно, ей было безразлично, какой уровень жизни способен обеспечить Рэн для своей любимой женщины...

Любимой женщины...

Сильвия закусила губу, провожая взглядом Рэна. Стоило ему выйти из комнаты, как она тут же метнулась к окну. Оно выходило в сад, такой же заброшенный, как и все остальное здесь. Бурное воображение Сильвии тут же наполнило клумбы пышными цветами и превратило неухоженный розовый сад в райский уголок.

Воздух в спальне казался совсем неподвижным, но когда Сильвия попыталась открыть одно из окон, добилась она только того, что сломала ноготь. Шепотом выругавшись, она поморщилась от усиливающейся головной боли. Наверное, поторопилась отказаться от таблеток Рэна.

Она торопливо распахнула дверь спальни и бросилась вниз по лестнице.

Сильвия нашла Рэна в скудно обставленной кухне в задней части дома. Он как раз направлялся к двери, неся в руках поднос с чашкой чая.

— Для кого это? — подозрительно спросила Сильвия.

— Для тебя, — прямо ответил Рэн. На подносе Сильвия увидела знакомый пузырек с обезболивающим. Искушение отказаться от чая и от таблеток было почти непреодолимым. С чего бы это — ведь она спустилась вниз специально за лекарством?

— Я сама отнесу, — нелюбезно буркнула она и отобрала у Рэна поднос. Взгляд, которым наградила ее Рэн, заставил ее вспыхнуть. Вряд ли он отдал бы ей поднос без борьбы, если бы в этот момент в коридоре не зазвонил телефон.

Когда Рэн пошел брать трубку, Сильвия начала подниматься по лестнице.

— Вики... — услышала она, а затем, — Да... замечано... я тоже жду, не дождусь. Слушай, мне надо идти...

Сильвия почти поднялась, когда Рэн положил трубку.

— Сильвия... — начал он.

Но она тут же его осадила.

— Нечего тратить на меня время, если торопишься на свидание, Рэн. Мне еще надо прочитать отчет.

— Лучше выспись, как следует, чтобы голова прошла, — посоветовал он.

— Напротив. Я должна работать, — огрызнулась Сильвия и продолжила свой путь по лестнице.

Рэн смотрел ей вслед. Боже, как она его достала! Почему он просто не сказал ей, что единственное свидание, которое назначено у него на этот вечер, это свидание со сломанной изгородью?

Он в ярости развернулся и зашагал к выходу.

Сильвия вздрогнула от звука захлопнувшейся двери. Каждый ее нерв был натянут, как струна; если раньше от напряжения раскалывалась только голова, то теперь боль охватила все тело. Она медленно побрела к спальне, проглотила целых две таблетки, выпила чай, а затем, сбросив верхнюю одежду, нырнула в постель в одном белье. И уже засыпая, вдруг вспомнила, что

забыла попросить Рэна сделать что-нибудь с неоткрывающимся окном.

Четвертая глава

Рэн поморщился, глядя на прорезанную в проволочном ограждении дыру. Это не случайность. Кто-то специально воспользовался кусачками, а значит...

Оленята, родившиеся весной, исчезли. Как ни жаль, бродившие по парку олени оказались лакомой приманкой для злоумышленников, тем более, что они были совсем ручными и не привыкли опасаться человека.

Когда Рэн осматривал низкий заборчик, отделяющий территорию парка от садов, примыкающих к Холлу, до него донесся вопль павлина, свидетельствующий о том, что к дому приблизился кто-то чужой.

Нахмурившись, Рэн встал, отряхнул с джинсов траву и листья и направился к «лендроверу».

Было почти десять часов — слишком позднее время для гостей. Продолжая хмуриться, Рэн завел двигатель.

Сильвия внезапно проснулась, не понимая, где она находится и почему здесь так душно. Заходящее солнце нагрело неподвижный воздух в ее спальне до такой степени, что его неприятный привкус чувствовался даже во рту. К счастью, острая головная боль почти прошла, но Сильвия знала, что боль может вернуться, если придется и дальше дышать этой духотой.

Все, что ей требовалось, это свежий воздух. Ополоснув лицо холодной водой, Сильвия снова влезла в свои джинсы и футболку, скорчив недовольную гримасу. Жизнь в Нью-Йорке сильно ее изменила. Если когда-то несвежая одежда вполне ее устраивала, то теперь уже нет.

Ллойд вечно дразнил Сильвию «студенточкой» за ее мокасины, джинсы и белые футболки, но, как она отвечала в ответ, эти вещи прекрасно подходят для работы, позволяя, к примеру, лазить по строительным лесам, и в то же время выглядят опрятно и по-деловому. Со временем у нее вошло в привычку надевать каждое утро безупречно чистую футболку и такие же безупречные джинсы, но наряд, который она проносила весь день, не вызывал в ней ни малейшего энтузиазма.

У Сильвии лежал в кошельке запасной комплект ключей — еще одна хитрость, усвоенная на работе. Она привыкла всегда носить с собой запасные ключи с тех пор, как один из рабочих случайно запер ее в здании и ушел домой вместе с ключами. Так что ей ничего не стоило вернуться в Хавертон-Холл и забрать свой джип. Ей вовсе не улыбалось оказаться зависимой от Рэна, и кроме того, неплохо бы показать ему, что Сильвия не теряет времени даром, пока он развлекается со своей подружкой.

Она обладала прекрасным чувством направления, и пешая прогулка к Холлу вовсе ее не пугала.

Мурлыкая себе под нос какую-то жизнерадостную мелодию, Сильвия тронулась в путь.

Стоял теплый летний вечер, и было еще достаточно светло, чтобы заблаговременно обходить стороной висящие в неподвижном воздухе тучи мошкары.

Прогулка позволила Сильвии изучить окрестности намного лучше, чем поездка в «лендровере»

Рэна. Она довольно долго прожила в поместье Алекса и понимала, что Рэну придется приложить очень много усилий, чтобы сделать этот участок таким же плодородным, как и земли ее сводного брата. Как ни странно, она ему завидовала, но еще больше завидовала его будущей жене и тому удовольствию, которое она получит, восстанавливая Дом священника.

Но только ли этому? Сильвия задумалась, отбросив с лица густые волосы. Ну конечно. Не может ведь она завидовать Рэну или его будущим детям? Естественно, нет.

Почти стемнело, когда Сильвия наконец добралась до Холла. Громадное здание отбрасывало густую тень, укрывшую и Сильвию, и ее джип.

Звук чых-то шагов по гравию заставил ее замереть от ужаса, пока она не заметила знакомые силуэты нескольких любопытных павлинов. Их испуганные вопли далеко разнеслись в неподвижном ночном воздухе.

Сильвия со смехом покачала головой.

— Да, пока я чужая, но привыкайте ко мне. Теперь мы будем видеться с вами очень часто.

Она простояла несколько минут, любясь птицами и разговаривая с ними. Вскоре, когда стемнеет, они наверняка устроятся где-нибудь на ночлег, подальше от охотящихся лисиц.

Отвернувшись, Сильвия взглянула на дом, пытаясь представить, как он будет выглядеть после очистки камня от плесени. Одно только это обойдется в кругленькую сумму и затянется почти на такой же срок, как и полное обновление интерьера. Нужно будет спросить у Рэна насчет любых записей о времени строительства и проводившихся впоследствии работах.

Тонкие веточки кораллов, морские раковины и вырезанные из дерева фигурки рыб свидетельствовали о том, что деньги, потраченные на постройку дома, были выручены от очень успешной морской торговли. Первоначальный владелец, будучи фаворитом короля Чарльза II, без сомнения, имел доступ к самым разнообразным источникам дохода.

От нечего делать Сильвия принялась размышлять о том, каково ей было бы жить здесь в те времена. Это была одна из ее слабостей — каждый раз, оказываясь в очередном старинном здании, она не могла не грезить о прошлом, представляя себя в роли хозяйки поместья...

Чтобы не быть замеченным, Рэн остановил свой «лендровер» подальше от дома. Павлины, направляющиеся к месту своего ночлега, увидели его и забили крыльями. Пришлось насыпать им пшена, чтобы утихомирились.

Утомившись от рассматривания Холла, Сильвия снова шагнула в тень и направилась к машине.

Рэн, выглянув из-за угла, решил было, что перед домом никого нет, но вдруг заметил чью-то фигуру, движущуюся в полутьме. Он немедленно начал действовать — пригнувшись и используя тени как прикрытие, беззвучно метнулся к машине Сильвии. Время было дорого — дверь джипа уже раскрывалась. Одним прыжком Рэн сбил угонщика с ног, придавил его к земле и воскликнул:

— Попался!

Сильвия не видела нападавшего, но естественно почувствовала, когда он повалил ее на гравий, навалился всем своим весом и торопливо обыскал.

Сильвия отчаянно боролась, лягалась, отталкивала его. Вертясь и извиваясь, пытаюсь высвободиться, она испытывала такую жгучую ярость, что забыла о страхе, но когда напавший на нее мужчина зажал ее обе руки в своей и принялся ощупывать свободной ладонью ее тело, она похолодела от ужаса.

— Лежи смирно, — резко предупредил Рэн свою жертву. Он с удивлением обнаружил, что предполагаемый угонщик оказался женщиной. Сперва он принял ее за подростка.

Узнав голос Рэна, Сильвия испытала смесь гнева и облегчения.

— Слезь с меня, — немедленно потребовала она.

— Сильвия...? — Рэн ошарашенно уставился на нее. — Какого черта...?

Он слегка ослабил хватку, но его вес все еще придавливал Сильвию к земле, и она нетерпеливо заерзала.

— Сильвия, — повторил Рэн, еще не отошедший от шока. — Я думал... Я услышал павлинов и решил... Я думал, ты пытаешься украсть машину... Я не узнал тебя в темноте, — пояснил Рэн, заметив недоверие в глазах Сильвии. Теперь он прекрасно видел ее лицо в свете взошедшей луны. — И все равно, что ты здесь делала? — резко спросил он.

— Мне нужно было подышать свежим воздухом. Окно в моей комнате не открывалось, и я... решила прогуляться сюда и забрать машину... А ты? Я думала, ты ушел на свидание, а ты, оказывается, бродишь по округе и пугаешь людей.

Внезапно Сильвия вспомнила, что все еще лежит под ним. Ей стало трудно дышать, но вовсе не из-за тяжести Рэна. Сейчас она слишком остро чувствовала, что при каждом вздохе ее груди упираются в его грудную клетку. Она вдыхала теплый летний воздух и гораздо более чувственный запах его кожи. Во время борьбы ее футболка задралась, и теперь уже поздно было сожалеть о том, что одеваясь, Сильвия поленилась надеть свой тонкий белый лифчик, который сняла перед тем, как залезть в постель. Инстинктивно она провела рукой по животу, чтобы понять, насколько высоко задралась ее футболка.

— Что такое? — спросил Рэн, заметивший ее жест.

— Ты слишком тяжелый, Рэн, и мне больно, — не совсем искренне ответила Сильвия, пытаюсь укрыться в тени. Но судя по внезапно округлившимся глазам Рэна, было уже поздно что-то прятать. Проклятая футболка завернулась слишком высоко, приоткрыв грудь.

Меньше всего Сильвии хотелось демонстрировать Рэну свое тело. Тогда почему ее соски предательски затвердели под его пристальным взглядом?

— Ты без лифчика...

— Спасибо, Рэн, но я уже это знаю, — прошипела Сильвия сквозь зубы, покраснев, как помидор, и отчаянно пытаюсь одернуть футболку. Но Рэн опередил ее, собственноручно расправив тонкую белую ткань.

Сильвия не сомневалась, что Рэн прежде всего стремился прикрыть ее грудь. Это намерение ясно читалось в его взгляде. Тем удивительнее и непонятнее последовавшее за этим событие.

Сильвия шевельнулась, и шевельнулась рука Рэна. Сильвия замерла, когда его пальцы

скользнули по ее груди, и резко дернулась, стараясь избежать прикосновения и совершенно забыв о том, что он держит подол ее футболки. Как только она рванулась назад, Рэн выпустил ткань из рук.

Сильвия так и не поняла, кто из них издал этот странный свистящий звук. Добавленная к хлопку лайкра спружинала, и грудь Сильвии оказалась полностью обнаженной.

Рэн ругнулся, застыв, как изваяние. Сильвия тоже ждала, не шевелясь. Она закрыла глаза, борясь с нарастающим внутри чувственным восторгом. Дело было не только в поступке Рэна, а в том, что она когда-то мечтала об его прикосновениях, об его объятиях, и теперь эти давние чувства и желания вновь пробудились в ней.

— Рэн... — Сильвия прошептала его имя и протянула к нему руки, чтобы удержать его, а вовсе не оттолкнуть. И когда он слегка прижался к ней, по ее телу пробежала дрожь желания, а не отвращения.

Очень нежно и медленно он начал поглаживать ее груди. Ночной ветерок был мягким и чувственным, но в мире не было ничего более мягкого и чувственного, чем руки Рэна.

Он принялся бережно ее ласкать, и Сильвия видела в его глазах разгорающееся пламя, а затем он склонился к ней, целуя с бешеной, отчаянной страстью, которой Сильвия не могла сопротивляться.

Было что-то земное, низменное и неотвратимое в происходящем. Легкий ветерок шелестел в листве деревьев, и Сильвия слышала его, ощущала его тепло. Грубая ткань рубашки Рэна щекотала ей кожу, заставляла желать прикосновений его рук... его губ... Она слышала его стон, его пальцы впились ей в кожу, когда он привлек ее ближе, так близко, что она чувствовала учащенное биение его сердца. Ее сердце тоже забило быстрее, как будто в такт. Его поцелуи горели на ее шее, его голова опускалась все ниже и ниже, пока Сильвия не почувствовала жар его губ на своей груди.

Когда-то, очень давно, она мечтала о том, чтобы Рэн нуждался в ней, хотел ее с такой же яростной мужской страстью. Волны желания пробежали по ее телу. Она крепче обняла его и внезапно застыла, услышав где-то в лесу пронзительный лай лисицы.

Рэн напрягся и приподнял голову, когда Сильвия повернулась в направлении шума.

Внезапно, неожиданно, не защищенная больше ни жаром его страсти, ни теплом его тела, Сильвия осознала, что происходит. Острые кусочки щебня, которых она почти не замечала, внезапно врезались ей в кожу, а ее лицо покраснело от стыда, когда она поняла, как сейчас выглядит, какой ее видит Рэн...

— Не трогай меня, — потребовала Сильвия дрожащим голосом, поправляя майку и пытаясь подняться на ноги. — Мне жаль, что так получилось... и Вики... если что-то и заставило тебя забыть о ней, то это...

— Ты? — закончил за нее Рэн.

Румянец Сильвии стал еще гуще, она отвернулась, чтобы скрыть обиду.

— Мы оба знаем: то, что сейчас произошло, никак не связано с... Дело не во мне... На моем месте могла оказаться любая другая женщина. Ты просто...

— Не удержался от искушения при виде твоей голой груди, — тихо продолжил Рэн. — Ты забыла, Сильвия... я уже видел твою грудь раньше, и не только ее, но...

— Прекрати, — взмолилась Сильвия, закрыв уши ладонями, чтобы не слышать его упреков. Ей не хотелось вспоминать об этом. Глаза застилала слезы. Она лихорадочно вытерла их, не желая плакать перед Рэном. Никогда.

Нетвердой походкой Сильвия направилась к джипу, а Рэн задумчиво смотрел ей вслед. Что он мог сказать? У нее были причины для злости. Хотя ее постоянные высказывания в адрес Вики ничем не оправданы. Вики не была его любовницей... у него вообще нет любовницы. Нет никаких связей, никаких прочных отношений... в отличие от нее.

Неужели ее и к Ллойдю влечет так же, как влекло к нему, с таким же сильным, почти болезненным желанием, с неконтролируемой страстью?

Рэн зажмурился, услышав шум двигателя.

Он совершил в жизни много ошибок, но ни о чем так не сожалел... Рэн сглотнул и уставился в темноту. И без случившегося сегодня было ясно, что их дела с Сильвией не закончены.

Тело Сильвии тянулось к нему, но сама Сильвия его ненавидит. Он это знал. Сильвия слишком часто это повторяла.

— Я люблю Уэйна, — сказала она когда-то, бросив эти слова ему в лицо, как обвинение. А он, вне себя от злости и ревности, просто повернулся и ушел, не объяснив ей, что она богатая наследница, а у него ничего нет, но в отличие от ее обожаемого Уэйна, он заботится о ней, а не использует!

В следующие два дня он перевернул вверх дном весь Оксфорд, разыскивая ее, но было слишком поздно — она исчезла. Когда он встретил ее в следующий раз, она жила с компанией каких-то наркоманов, обосновавшихся на землях Алекса, и выставляла напоказ свою связь с вожаком.

— Что тебе не нравится? — усмехалась Сильвия. — Ты не хотел меня, и был прав, Рэн. Ты не тот мужчина, что мне нужен. Ты даже сравниться не можешь с Уэйном, — мурлыкнула она с таким знающим видом, что у Рэна все внутри перевернулось.

— Похоже, она крутит любовь с Уэйном, — с расстроенным видом подтвердил Алекс. Отныне другой мужчина занял место Рэна в ее жизни и в ее постели, а у него не осталось никаких прав...

Он печально взглянул на звезды. Какого черта ему понадобилось вспоминать прошлое? Разве он провел без сна мало одиноких ночей, умирая от желания?

Наверное, Алекс прав, и пора ему остепениться. Наверное, после того, как все дела будут закончены, и Сильвия наконец уедет, он займется именно этим... Наверное...

Пятая глава

Сильвия, нахмурившись, изучала счет за ремонт Хавертон-Холла. Только сейчас она заметила, что на обратной стороне имелась дополнительная смета на ремонт Дома священника и краткая записка, подтверждающая, что работы в Доме священника будут проведены до того, как начнется работа в Хавертон-Холле.

Сердце Сильвии забилося быстрее от злости и обиды, когда она во второй раз перечитала документ. Нет ничего удивительного в том, что бывшие владельцы собственности Траста пытаются выжать из сделки все возможное. Сильвии часто приходилось втолковывать слишком зарвавшимся личностям, что старая мебель, указанная как антиквариат, при более тщательной проверке оказалась подделкой и, следовательно, стоит гораздо меньше назначенной цены. Но подозрение в адрес Рэна так сильно смутило и расстроило Сильвию, что она вышла из-за стола и принялась в задумчивости бродить по своей спальне. Речь шла о не слишком большой сумме, и если бы Рэн обставил это дело по-другому, Траст мог бы проявить великодушие и оплатить стоимость работ в Доме священника. Но если Рэн пытался смошенничать... обвести ее вокруг пальца... Сильвию возмутило именно то, что он попытался ее обмануть, и теперь посмеивается тайком у нее за спиной. Что ж, теперь настала ее очередь смеяться.

Стук в дверь отвлек ее от дальнейших размышлений.

— Войдите, — кратко ответила Сильвия, приготовившись к нападению.

Но когда дверь отворилась, на пороге стоял не Рэн, а домработница миссис Эллиот.

— О, миссис Эллиот, — пробормотала Сильвия.

— Рэн попросил меня узнать, что бы вы хотели на ужин сегодня вечером, — сказала пожилая женщина. — Он утром выловил прекрасную большую форель и говорит, что вы очень ее любите...

Сильвия зажмурилась.

Чертов Рэн. Зачем он напоминает ей о таких вещах из ее прошлого, которые она давно мечтает забыть?

— Это очень мило с вашей стороны, миссис Эллиот, — ледяным тоном ответила Сильвия, — но сегодня вечером я не буду ужинать здесь.

Она понятия не имела, где сможет сегодня поужинать, и понимала, что ее отказ звучит глупо и по-детски, но ничего не могла с собой поделать.

Где сейчас Рэн, неизвестно... видимо, старается держаться от нее подальше. Что ж, он не сможет прятаться вечно, и Сильвия твердо намерена сообщить ему о своей находке и потребовать объяснений. Естественно, он вообразил, что сможет подложить свой личный счет к счетам за работу в Хавертон-Холле, и никто этого не заметит. Нет уж, не на ту нарвался. Кстати, ей уже пора поговорить с представителем ремонтной фирмы, которую нанял Рэн. Сильвия поджала губы. Приходится признать, что заранее позаботившись о составлении отчета и начале работ, Рэн избавил ее от достаточно трудоемкого подготовительного этапа... и заодно решил отремонтировать Дом священника за счет Траста?

Десять минут спустя, спускаясь по лестнице на первый этаж, Сильвия услышала голоса. Выйдя на лестничную площадку, она увидела в прихожей миссис Эллиот и высокую элегантную даму бальзаковского возраста.

— Так вы передадите Рэну, что я приходила, — говорила она домработнице.

— Да, передам, миссис Эдвардс, — почтительно ответила пожилая женщина.

Сильвия с пристрастием разглядывала незнакомку. Высокая, стройная, хорошо одетая, с

безупречным макияжем, она относилась к тому типу женщин, которые всегда нравились Рэну. Очевидно, это и есть его теперешняя подруга. В ее поведении чувствовалась уверенность, свидетельствующая о том, что это не простая гостья. Отвернувшись от миссис Эллиот, она заметила Сильвию, и на ее лице мгновенно появилось если не вызывающее, то оценивающее выражение.

— Я отправляюсь в Хавертон-Холл, миссис Эллиот, — спокойно сообщила Сильвия. — Пожалуйста, поблагодарите Рэна за его предложение поужинать.

Краем глаза она заметила помрачневший взгляд подруги Рэна и почти успела дойти до двери, когда миссис Эллиот неожиданно ее окликнула.

— Ой, простите, я почти забыла. Рэн попросил передать, что если вы захотите закончить осмотр большого дома, он вернется около трех.

— Правда. Очень любезно с его стороны, — съязвила Сильвия. — Когда он вернется, миссис Эллиот, пожалуйста, скажите ему, что не надо утруждаться. У меня есть собственные ключи от Хавертон-Холла.

Не дожидаясь ответа, Сильвия толкнула входную дверь. Как он смеет? — возмущалась она по пути к машине. Чтобы осмотреть Холл, ей не нужна ни его компания, ни его разрешение. В ярости она рванула с места так, что из под колес джипа веером полетела щебенка.

Только на полпути к Хавертон-Холлу она начала успокаиваться, но ее лицо все еще пылало. Рэн не имеет право указывать ей, что можно, а что нельзя!

Остановив джип у дома, Сильвия торопливо отвела взгляд от того места, где вчера... Она не собиралась ни вспоминать, ни анализировать случившееся прошлой ночью. Это была ошибка, заблуждение и полнейшее помрачение рассудка, вызванное усталостью от длительного перелета.

Отомкнув тяжелую дверь, Сильвия повернула дверную ручку и с глубоким вздохом шагнула внутрь. Стараясь не замечать гулкого эха, она поспешила к тому месту, где накануне они с Рэном закончили осмотр. В сумке у нее имелась опись имущества и план здания, но часом позже ей все же пришлось признать, что исследовать комнаты в одиночку, без полезных комментариев Рэна, оказалось вовсе не так интересно.

По опыту Сильвия знала, что очень скоро будет свободно ориентироваться и в расположении комнат и в истории дома, но пока... Она тихонько взвизгнула, когда у ее ног прошмыгнул мышонок. Сильвия всегда боялась мышей и не могла забыть давнишнего испуга, когда одна из них прыгнула ей на ногу, удирая от кошки.

Сильвия уже добралась до верхнего этажа, когда снизу ее окликнул Рэн. Она застыла на месте. В сумке у нее лежал отчет и сметы. Наконец она решительно шагнула к двери, открыла ее и крикнула вниз:

— Я здесь, Рэн...

— Тебе не следовало приходить сюда одной, — упрекнул ее Рэн, направляясь к ней по коридору.

— Почему? Или тут водятся привидения?

— Нет, но перекрытия, особенно на двух верхних этажах, не слишком надежны, и если ты не хочешь поломать себе ноги...

— Как ты предусмотрителен, Рэн, — перебила его Сильвия. — Почти так же предусмотрителен ты был, когда заказывал эти отчеты. — Она достала пачку бумаг из сумки и помахала у него перед носом. — Или я слишком наивна, и это называется «меркантильностью»?

Рэн нахмурился.

— Не знаю, в чем ты хочешь меня обвинить, Сильвия, — начал он, но она не дала ему закончить.

— Разве, Рэн? Сегодня утром я прочитала отчеты инспекторов. А на обороте сметы обнаружила вот это...

Сильвия протянула ему смету работ в Доме священника.

— Ну и что? — пожал плечами Рэн, изучив предъявленный лист бумаги.

— Эта смета относится к работам, которые должны быть проведены в твоём личном доме, — терпеливо пояснила Сильвия.

— И...? — спросил Рэн, нахмурившись еще сильнее. — Прости, Сильвия, но, кажется, я не понимаю, к чему ты клонишь. Дом священника тоже надо ремонтировать, и...

— Ты решил подложить счет за эту работу к счетам за работы, выполненные в Хавертон-Холле, чтобы не платить самому!

— Что? — зловещим тоном переспросил Рэн. Его лицо, как и голос, исказилось от ярости. — Мне не нравятся твои подозрения, Сильвия, — резко произнес он.

Сильвия покачала головой и тонким голосом ответила:

— Мне тоже, Рэн. Но факты говорят за себя.

— Правда? А по-моему, это не «факты говорят», а твое больное воображение, — прошипел Рэн сквозь зубы.

— Ты не можешь отрицать очевидного, — резко напомнила ему Сильвия.

— А что здесь очевидно? Это отчет и смета работ в Доме священника — работ, которые я оплатил сам. Если эта смета и оказалась рядом с отчетом, то только потому, что я забыл ее вынуть, когда копировал для тебя документы...

— Ты сам оплатил работы в Доме священника? — недоверчиво переспросила Сильвия.

Рэн поджал губы.

— Может, тебе квитанцию показать?

— Да, покажи, — упрямо ответила Сильвия. Ее лицо залилось краской при мысли о том, какой дурой она себя выставит, если Рэн все-таки предъявит ей эту квитанцию.

— Миссис Эллиот сказала, что ты не будешь сегодня ужинать дома.

Сильвия уставилась на него, сбитая с толку внезапной сменой темы.

— Да.

— Здесь нет приличных ресторанов. Тем более таких, где подавали бы свежую форель. А ты ведь ее очень любишь...

— А может, мои вкусы изменились, — надменно ответила Сильвия, и добавила обиженным тоном, — В отличие от твоих...

Рэн заметно помрачнел, и она поспешила объяснить:

— Я видела твою... подругу. Она заявила в Дом священника как раз, когда я уходила. Наверняка она с гораздо большим удовольствием разделит с тобой эту форель. А теперь, насчет квитанций...

Сильвия вздрогнула, заметив вспышку ярости в его глазах, но продолжала упорствовать. В этом ведь и заключается ее работа — удостовериться, что Траст не останется в дураках.

— Конечно, — деловым тоном сказал Рэн, слегка наклонив голову, словно признавая свое поражение. Но не успела Сильвия вздохнуть с облегчением, как он коварно улыбнулся и добавил, — Но боюсь, это необходимо сделать сегодня вечером, потому что на завтрашнее утро у меня назначена деловая встреча, а затем мне придется уехать на несколько дней...

— С твоей... подругой...?

Позже Сильвия горько пожалела о своем вопросе, но слова вылетели сами, прежде чем она успела прикусить язык. Рэн, уже собравшийся уходить, резко обернулся и окинул ее взглядом с головы до ног.

— Если ты имеешь в виду Вики, то разве это касается тебя... или Траста...?

Он попал в точку, и Сильвия это знала. Естественно, ее, как представителя Траста, не должна волновать личная жизнь Рэна. И теперь ей было стыдно за свою несдержанность.

— Если ты хочешь увидеть квитанции, это должно произойти сегодня вечером, Сильвия, — холодно напомнил ей Рэн. — Давай договоримся на половину девятого.

Прежде чем Сильвия успела ответить, он ушел, шагая по пыльному полу, а она беспомощно смотрела ему вслед.

Прошло добрых десять минут после того, как внизу утих шум двигателя «лендровера», но Сильвия все никак не могла вернуться к работе. Рассудок подсказывал ей, что причиной вражды была она сама и ее обычная манера общения с нечестными клиентами Траста, но чувства не позволяли ей уступить. Если у нее появились подозрения, значит, они небеспопченны.

Она взволнованно кусала нижнюю губу. Если она ошибается насчет Рэна, и он пожалуется Ллойдю...

Сильвия раздраженно напомнила себе цель своего прихода.

Хотя дом не был больше тех зданий, в которых приходилось работать Сильвии, она уже

утратила счет веренице комнат на верхнем этаже. В конце концов она стерла пыль с окна и начала рассматривать расстилающийся внизу сельский пейзаж. Отсюда была видна река, в которой Рэн, скорее всего, и выловил свою рыбину. Она лениво текла по парку, окружающему дом. Взгляд на реку слегка взволновал Сильвию, напомнил ей счастливые часы ее детства, проведенные с Алексом и Рэном, когда она помогала им в работе и на рыбалке, а позже училась у них навыкам земледелия.

В своем первом обращении к Тросту Рэн предложил в качестве возможного источника дохода сдавать Хавертон-Холл клубам охотников и рыболовов. Трост придерживался политики, согласно которой ни одно животное, обитающее на его землях, не может быть убито ради забавы. В свое время Сильвия настаивала на этом условии. Теперь же она, помрачнев, вспоминала, что именно Рэн впервые объяснил ей, что наслаждаясь охотой, не обязательно убивать.

Рэн...

Сильвия все еще думала о нем, когда некоторое время спустя, после утомительного блуждания по безлюдным окрестностям отыскивала всего-навсего три крохотных деревеньки, ни в одной из которых не было ресторана.

В маленькой пивной в третьей деревне хозяин только извинился в ответ на расспросы Сильвии.

— Мы здесь не готовим, но я посмотрю, может, там пара бутербродов от обеда завалялась.

Сильвия с бледной улыбкой покачала головой. Она жутко проголодалась и мечтала о сытном горячем ужине.

— За Линтвеллом есть неплохое местечко, — любезно продолжил хозяин пивной, — но туда ехать минут двадцать пять.

Двадцать пять минут. У Сильвии заурчало в животе. Невольно она представила себе форель Рэна, розовую и нежную, поданную с молоденькой картошечкой, свежими овощами и, конечно, с отличным голландским соусом. При одной только мысли слюнки текут.

Уже восьмой час. Если Сильвия отправится ужинать в Линтвелл, то наверняка опоздает на встречу с Рэном, а она не может дать ему повод для обвинения в непрофессионализме.

Отказавшись от оставшихся после обеда бутербродов, Сильвия вернулась к своей машине. Придется сегодня обойтись без ужина; в конце концов, мир от этого не рухнет. И с голоду она не умрет... Но черт, эта форель и... Рэн был прав. Сильвия ее обожает.

Около восьми Сильвия открыла дверь Дома священника.

Она проголодалась до чертиков, у нее разболелась голова и нервы были на пределе. Сахар в крови понизился, — раздраженно подумала Сильвия. Теперь бы сладкого чая выпить.

Чай то, наверное, поможет, только хочется ей совсем не этого.

Что со мной происходит? — усмехнулась Сильвия, входя в дом. — Все нормальные женщины моего возраста мечтают о мужчинах, а вовсе не о еде.

Восемь часов. Как раз хватит времени, чтобы принять душ и переодеться перед встречей с

Рэном. Сильвия хотела еще раз заглянуть в документы, но если Рэн и вправду сам оплатил работу и может это доказать... Наверное, она поторопилась с обвинениями...

— Сильвия...

Она, как вкопанная, остановилась у лестницы, услышав голос Рэна. Повернув голову, она увидела его в дверях.

— Миссис Эллиот подаст ужин в половине девятого, так что у тебя полчаса...

У Сильвии вертелась на языке дюжина вопросов и столько же возражений, но все же ей удалось промолчать. Уже поднявшись по лестнице она спросила себя, почему не сказала Рэну, что уже поужинала.

Почему? Ответом было громкое урчание в ее животе. Естественно, Рэн догадался, что она вернулась не солоно хлебавши. Пусть думает, что хочет, — в гневе размышляла Сильвия, принимая душ, натягивая черное трикотажное платье, расчесывая волосы и наскоро поправляя макияж.

Почти половина девятого. Глубоко вздохнув, Сильвия взглянула на себя в зеркало и с гордо поднятой головой направилась к двери.

Ее трикотажное платье, простое и совершенно черное, обошлось Сильвии в месячную зарплату и носило ярлык одного из лучших Нью-Йоркских модельеров. Однако непосвященные замечали вовсе не это, а строгий фасон и то, как тяжелая ткань подчеркивает стройную фигуру Сильвии. И даже полные профаны в области моды обратили бы внимание на реакцию Рэна, когда он встретил Сильвию у подножия лестницы.

Привыкшая к простой рабочей одежде Рэна — узким джинсам, клетчатой рубашке с закатанными рукавами и распахнутым воротом, в котором видны шелковистые черные волоски на груди, Сильвия совершенно забыла, как великолепно он смотрится в строгом костюме.

И хотя на смокинг его все же не хватило, он был одет в черные брюки и накрахмаленную белую рубашку.

Рэн сбросил пиджак, пока Сильвия спускалась по лестнице. Она невольно залюбовалась его мускулистой фигурой, на секунду замедлив шаг.

Он специально переоделся, чтобы поужинать с ней.

Зачем? Потому что прекрасно знает, какое впечатление производит на женщин его внешность, и намерен воспользоваться этим, чтобы отвлечь Сильвию, смутить ее в тот момент, когда ей требуется все внимание, вся сосредоточенность, чтобы выяснить правду об этом счете? Или она фантазирует? Может, он оделся так элегантно не для нее, а...?

Может, у него назначено свидание с другой женщиной после встречи с Сильвией?

— У нас еще есть время выпить перед ужином, если хочешь, — спокойно предложил Рэн. Но Сильвия заметила, что его взгляд надолго задержался на ее груди, прежде чем он посмотрел ей в лицо. Ее сердце бешено забилося.

— Нет... Спасибо, я не пью, — отказалась она и решительно добавила, — Я считаю, что бизнес

и спиртное не сочетаются.

Пожав плечами, Рэн распахнул перед ней двери столовой и пропустил ее вперед. Проходя мимо, Сильвия почувствовала острый, свежий запах его тела, и ее лихорадочное сердцебиение сменилось пугающей тупой болью в груди.

— Я... принесла сметы, — торопливо воскликнула она и протянула ему бумаги, но Рэн покачал головой.

— После ужина, — твердо ответил он и добавил, — я считаю, что хорошая еда и выяснение отношений не сочетаются.

Выяснение отношений. Сильвия окинула его гневным взглядом, прежде чем занять предложенный ей стул.

Рыба оправдала все ожидания. Домашний пудинг со сливками тоже оказался очень вкусным. Сыр, который они ели на десерт, был местного производства. Рэн рассказал, что тоже собирался делать что-то подобное, но нашел это занятие невыгодным.

Когда-то, ужиная наедине с Рэном, Сильвия испытывала бы сильнейшее возбуждение, настоящий восторг, потому что была влюблена в него по уши. Естественно, она и вкуса бы не заметила, потому что думала бы только о том, чем они займутся после ужина. Рэн заключил бы ее в объятия и...

— Я попросил миссис Эллиот подать кофе в библиотеку...

Резкий, деловой тон Рэна оборвал ее мечтания. Смутившись, Сильвия отбросила эти мысли и сердито напомнила себе о цели своего прихода.

— Вот отдельная смета работ, которые требуется выполнить здесь, а вот квитанция.

Лицо Сильвии окаменело. Дрожащими руками она взяла у Рэна документы и уставилась в них. Она злилась на себя за свою ошибку.

Ее взгляд остановился на дате внизу квитанции. Сильвия не собиралась так легко сдаваться. Выпрямившись, она вернула бумаги Рэну и твердо заявила:

— Это всего лишь квитанция, Рэн, подписанная и помеченная датой.

— И доказывающая, что счет был оплачен несколько недель назад...

— Имеющая целью это доказать, — упрямо поправила его Сильвия. — Насколько я понимаю, дата могла быть вписана на прошлой неделе... или... — Она сделала многозначительную паузу и добавила с победоносной улыбкой, — Или даже сегодня...

Она уже повернулась, чтобы уйти, но Рэн остановил ее, схватив за руку и развернув лицом к себе.

— Ты действительно пытаешься обвинить меня в подделке квитанции? Ради бога, Сильвия, за кого ты меня принимаешь?

Сильвия пропустила мимо ушей его вопрос и попыталась уйти, но поскольку он все еще держал

ее за руку, потребовала ледяным тоном:

— Отпусти меня, Рэн.

— Отпустить...? Ты хоть сама понимаешь, что говоришь, в чем меня обвиняешь? Ты уже не ребенок, Сильвия, и если это мелкая попытка...

— Нет, я не ребенок, — в ярости перебила его Сильвия. — Здесь, в Хавертоне, я являюсь представителем Траста и обязана защищать интересы Траста и его вложения... Если я думаю, что кто-то, все равно кто, пытается обмануть Траст или воспользоваться его деньгами, то моя работа...

— Твоя работа...? — расхохотался Рэн. — Какие возвышенные слова для женщины, которая ради этой «работы» спит со своим начальником.

Последовала секундная пауза, а затем Сильвию охватил порыв безудержной ярости, вызванной гневом и уязвленной женской гордостью. Ответила она так, как подсказывал ей инстинкт — подняла руку и залепила Рэну пощечину.

Неизвестно, кто из них был больше шокирован. На мгновение они оба застыли, глядя друг на друга. Сильвия чувствовала, как бьется ее сердце, видела сначала белый, а затем начавший краснеть отпечаток ладони на загорелой коже Рэна и различала злобу в его потемневших глазах. Было слишком поздно извиняться или бежать; Рэн все еще держал ее за руку, и когда Сильвия попыталась вырваться, он притянул ее к себе, его глаза горели гневом.

Сильвия сразу поняла, что он собирается предпринять. Закрыв глаза и беспомощно прошептав: «Нет», она почувствовала, как его твердые, безжалостные губы прижимаются к ее рту.

Ее никогда в жизни так не целовали, грубо, в наказание, и в то же время с ослепляющей, жгучей страстью. Ее тело не знало, как реагировать. В ее душе страх смешивался с раздражением. Сильвия не была беспомощной девственницей Викторианской эпохи, она была современной женщиной, умеющей за себя постоять. Она отчаянно сопротивлялась злему поцелую Рэна. Он уже раздвинул языком ее губы, вторгнувшись в ее рот не с нежностью любовника, а с яростным напором завоевателя. Сильвия отчаянно пыталась уклониться, но он обнимал ее слишком крепко, и все ее попытки освободиться привели лишь к тому, что она оказалась прижатой к нему еще плотнее. Но она продолжала бороться, колотила его кулаками в грудь, а когда между их телами совсем не осталось свободного пространства, впиалась в его спину ногтями.

Где-то в глубине души она знала, что причина не в обвинении, которое нанес ей Рэн, и не в ее обиде. Источником этого взрыва эмоций, этого желания причинить ему боль, разрушить и разметать все, что осталось от ее любви, была вовсе не ее раненая гордость.

— Кошка царапучая, — буркнул Рэн, поймав ее за руку. — Может, твоему любовнику-старикашке и нужны дополнительные стимулы, когда он трахается с тобой, но мне точно нет.

Сильвия остолбенела от шока.

Ллойд не был ее любовником, но это не имело никакого значения. Слишком сильную боль причинили ей слова Рэна и то, что он связывал их злобу и взаимную ненависть с любовным актом, в котором Сильвия видела прежде всего выражение нежности и подлинной любви. Внезапно злость схлынула. Сильвия почувствовала отвращение, не только к Рэну за его оскорбление, но и к себе. Рэн назвал ее кошкой, но животные спариваются для продолжения

рода; их связь никогда не бывает актом жестокости или циничного пренебрежения к чужим чувствам.

Глаза Сильвии наполнились слезами. Рэн отстранился, чтобы взглянуть ей в лицо, и, воспользовавшись этим, она вырвалась и бросилась к двери.

Рэн испуганно окликнул ее, выбежал вслед за ней в коридор, и увидел, как она исчезла из виду, поднявшись по лестнице. Должен ли он догнать ее, извиниться, объяснить...? Выражение ее глаз потрясло Рэна. Это был скорее взгляд обиженного ребенка, чем взрослой, опытной женщины, и еще... Ему нет прощения за его высказывание в адрес Ллойда. Ее связь с Ллойдом, в конце концов, является ее личным делом, даже если ... Господи... На мгновение, когда ее острые ногти впились в его кожу, он испытал такую тягу, такое острое желание обнять ее обнаженное тело, вновь ощутить ее вкус, ее запах... Но зачем воскрешать старые воспоминания, повторять старые ошибки?

В свое время он поступил так, как считал правильным...

Шестая глава

Сильвия устало взглянула на светящийся циферблат. Половина второго ночи. Она пролежала последний час без сна, упрямо пытаясь заснуть, яростно борясь со своими мыслями, с желанием погрузиться в воспоминания.

Она была слишком взбудоражена, слишком испугана, чтобы уснуть. Но чего она боится? Увидеть во сне Рэна?

Она выглянула в окно поверх письменного стола. Одно из маленьких удовольствий сельской жизни заключается в том, что не нужно задергивать шторы на ночь. Сильвия ничто так не любила, как вид ночного неба.

Поначалу, когда мама вышла замуж за отца Алекса, и они переехали в его отчий дом, Сильвию подавляло огромное и мрачное здание. Именно Рэн первым узнал о ее страхах после того, как застал ее гуляющей во сне. Рэн, переселившийся в дом из своего коттеджа на выходные и «присматривавший» за ней в отсутствие ее матери, отвел ее в свою комнату, напоил горячим чаем, разговаривал с ней и показал телескоп, в который наблюдал за ночным небом.

Кроме телескопа он еще пользовался биноклем, но для других, более приземленных целей. В его обязанности, как управляющего поместьем, входило выслеживать браконьеров. Рэн не боялся ночи, и с его помощью Сильвия научилась ценить ее особенную красоту. Именно Рэн однажды повел ее смотреть на играющих барсучат, взбесив тем самым ее мать.

Сильвия резко оборвала опасный ход мыслей. Раз уж ей не спится, лучше заняться работой, чем тратить время на воспоминания о Рэне.

Ее губы все еще оставались распухшими после поцелуя. Ее лицо вспыхнуло, когда она вспомнила, как Рэн назвал ее кошкой, а Ллойда — ее любовником.

Что сказал бы Рэн, если бы узнал, что у нее был всего один любовник, и этим любовником оказался мужчина, который не хотел ее, мужчина, которого пришлось упрашивать и тащить в постель чуть ли не силой, мужчина, признавшийся, что не испытывает к ней никакой любви, что случившееся между ними было ошибкой, заблуждением, которое нужно поскорее забыть?

Нет. Нет. Нет. Сильвия со злостью закрыла лицо руками, но было слишком поздно; она не

могла больше бежать от воспоминаний. Они вернулись, окружили ее, подчинили себе ее мысли.

Она к тому времени уже поступила в университет, но ехать учиться не хотела. Такой сильной и всепоглощающей была ее детская любовь к Рэну, таким жгучим и острым было ее желание, что она не могла вынести мысли о предстоящей разлуке. Она использовала каждую лишнюю минутку, любую возможность, чтобы быть с Рэном. Как сводная сестра Алекса, она могла проводить свободное время в его имении, присоединившись к группе местных подростков, которые помогали Рэну в работе. Кажется, Рэн не догадывался о ее чувствах, хотя она делала все, чтобы продемонстрировать ему свою любовь.

В тот день Сильвия упала в заиленное озеро, которое они очищали. Рэн вытащил ее, насмехаясь над ее грязной одеждой и волосами.

— Мне нужно принять ванну, — пожаловалась она.

— Ванну? — рассмеялся Рэн. — Не думаю, чтобы домработница Алекса впустила тебя в дом в таком виде. Лучше я сначала отведу тебя в коттедж и оболью из шланга, а не то мы оба влипнем в неприятности.

Его коттедж... Сильвия затрепетала, представив себе не такую прозаичную процедуру, которую описал ей Рэн, а нечто более интимное. Себя, млеющую в ванне с горячей водой, в то время как Рэн нежно намыливает...

— В чем дело? — спросил он, нахмурившись. — Ты так покраснела. Тебе плохо?

Плохо... Больна любовью, больна желанием — вот честный ответ, но Сильвия была слишком наивна и застенчива, чтобы признаться в этом. Она покачала головой и послушно влезла в его раздолбанный «лендровер».

Чувственная картина, которую она нарисовала в своем воображении, оказалась пустой фантазией.

Рэн заставил ее снять одежду на его маленькой терраске, строго-настрого запретив ей сходить с брошенной на пол тряпки, и велел позвать его, когда она разденется и завернется в полотенце.

— Я засуну твои штотки в стиральную машину. Домработница Алекса убьет меня, если узнает. А потом ты быстренько обольешься водой. Тебе придется идти домой в моих вещах, но по крайней мере, они чистые.

— Эти полотенца ужасно тонкие, — обиженно заявила Сильвия, завернувшись в самое большое из них, когда Рэн вернулся, чтобы забрать ее грязную одежду.

— Гм... Я вытираю ими собак, — совсем неромантично ответил Рэн и поморщился при виде ее вытянувшегося лица. — Это они должны обижаться. Когда они приходят домой все в грязи, я мою их снаружи, а только потом позволяю войти.

— Я не собака, я... — «Женщина», хотела сказать Сильвия, но умолкла, когда Рэн поднял с цементного пола ее белые трусики. Ее лицо залилось густым румянцем при виде того, какими маленькими они кажутся в его сильной руке.

Ее одежда промокла насквозь вплоть до белья, но Рэна все же что-то удивляло.

— Все в порядке... Я смогу дойти до дома без них; ведь их не видно под... моими... твоими джинсами, — беспомощно забормотала Сильвия, слишком юная и наивная, чтобы понимать, насколько это сексуально, когда женщина надевает одежду на голое тело, тем более, если эта одежда принадлежит мужчине.

— Ничего. Думаю, я подыщу что-нибудь для тебя, — коротко ответил Рэн.

Сильвия, конечно, была юной и наивной, но не настолько, чтобы не догадаться о происхождении этих хорошеньких кружевных трусиков, которые любезно преподнес ей Рэн. Мысль о том, что они принадлежали другой женщине, испортила Сильвии не только остаток вечера, но и все последующие дни.

Однажды она слышала, как Алекс посмеивается над Рэном из-за его тяги к немолодым женщинам.

— Я же не невесту себе ищу, — отшутился Рэн. — Но и монахом становиться не собираюсь.

Они оба не догадывались, что Сильвия подслушивает их разговор у дверей библиотеки.

— Поэтому женщина, знающая толк в жизни, уже успевшая побывать замужем и разочароваться в браке, прекрасно мне подходит.

Сильвия не смогла сохранить в тайне свою безумную любовь до отъезда в университет. В действительности она и не пыталась скрывать своих чувств, но Рэну они были не нужны... как и она сама.

Она еще раз убедилась в этом на рождественской вечеринке у Алекса. Ее мама тоже присутствовала, и жутко задирала нос перед столь незначительной деревенской публикой. Впрочем, Сильвия не задумывалась над этим. Она решила непременно потанцевать с Рэном и добиться от него рождественского поцелуя.

На Сильвии было новое платье и туфли на высоких каблуках. Она уложила волосы и накрутила. Алекс встретил ее на лестнице нежной улыбкой, но глаза Рэна не были нежными, когда некоторое время спустя он сбросил ее руки со своих плеч, отказавшись поцеловать ее. Сильвия выпила три бокала вина, прежде чем набралась храбрости пригласить его и, к своему ужасу, не удержалась от слез, когда он силой разомкнул ее объятия.

— Рэн, пожалуйста... — взмолилась она, но Рэн не ответил и ушел с окаменевшим лицом и непроницаемым взглядом.

И, словно этого мало, через какой-то час Сильвия увидела его танцующим с бывшей женой одного из арендаторов Алекса. Рэн крепко прижимал женщину к себе, словно лаская, в тусклом свете ламп, а прежде чем уйти с ней в обнимку, поцеловал с обжигающей страстью.

Ревнуя, Сильвия испытала такую жгучую боль, словно с нее живьем содрали кожу.

Позже она наивно внушила себе, что Рэн не стремился нарочно ее обидеть, что он просто не воспринимает ее как взрослую женщину, и сама поверила своей фантазии.

Весь первый год учебы, как бы сильно Сильвия не стремилась возненавидеть Рэна, все равно она продолжала его любить, мечтать о нем, тосковать и обещать себе, что когда-нибудь все изменится, однажды он разглядит ее и полюбит.

Сильвия отказывалась от свиданий с однокурсниками и посещала только обычные студенческие вечеринки, куда ходила с подругами. Будучи общительной от природы, она постепенно завязала дружеские отношения с несколькими студентами. К одному из них она была особенно привязана — скромный и застенчивый, Дэвид поступил в университет по настоянию родителей. Они требовали, чтобы он последовал примеру своих старших братьев и сестер, получивших дипломы с отличием.

— А чего ты хочешь на самом деле? — спросила Сильвия.

— Рисовать, — просто ответил он.

Узнав, что Дэвид принимает наркотики, Сильвия огорчилась, но не была особенно удивлена. В студенческой среде наркотики были делом обычным, хотя сама она умудрилась благополучно избежать этого искушения.

Именно Дэвид потащил ее на дискотеку, где она познакомилась с Уэйном. Сильвия догадывалась, что Уэйн был поставщиком Дэвида, но по своей наивности считала его всего лишь щедрым парнем, который снабжает своих друзей только для того, чтобы они не пытались добыть зелье более рискованными путями. Не ответив на ее прямой вопрос, Уэйн заявил, что они оба являются сильными личностями, стоящими над толпой. Своим знанием жизни он напомнил ей Рэна. Быть может, потому, что Уэйн, как и Рэн, был много старше Сильвии и ее друзей. С легкой завистью она выслушала его планы провести лето с группой «зеленых», путешествующих по стране.

Сильвия всегда была идеалисткой, и красочный рассказ Уэйна о том, как «зеленые» сражаются за чистоту природы против жадных промышленников, возбудил в ней уважение к нему и его друзьям.

Самое главное, Уэйн понимал, какие трудности испытывает Сильвия в общении с матерью.

— Она такая высокомерная, — печально заметила Сильвия, наморщив нос.

— Значит, я ей не понравлюсь, — ответил Уэйн, и Сильвии пришлось признать его правоту. Она пожаловалась Уэйну, как докучает ей принадлежность к высшему обществу. Алекс выплачивает ей содержание, а мать постоянно приезжает и зудит о том, что Сильвия плохо кушает и не так одевается. Мать вообще не хотела отдавать ее в университет. Ее приводил в ужас тот факт, что Сильвия не сможет так часто «появляться в свете», как раньше. Именно Алекс настоял на том, чтобы она получила высшее образование. Пора, он сказал, ей повзрослеть и набраться опыта.

Стоило ей однажды заикнуться о «содержании», как Уэйн тут же попросил у нее в долг. Естественно, Сильвия не смогла отказать. Он ведь был ее другом...

Вскоре после этого Сильвия обнаружила, что ей пора покупать новые учебники и платить за квартиру, которую она снимала.

Сильвии пришлось позвонить Алексу и попросить у него денег в счет будущего платежа. Ей было очень неловко, но когда она после недолгой заминки призналась, что одолжила деньги другу, Алекс пообещал все уладить.

Сильвия простодушно предположила, что он собирается выслать ей чек, а вскоре случилось событие, заставившее ее надолго забыть о деньгах. Дэвид, ее друг, умер. Он потерял сознание на дискотеке, и его отправили в больницу, но было уже слишком поздно.

Родители увезли его тело домой и заявили в открытую, что не желают видеть на похоронах его университетских приятелей.

— Они думают, что это мы виноваты, — со злостью заметил один из друзей Сильвии. — А на самом деле все из-за них. Он не хотел учиться здесь...

Сильвия была слишком расстроена, чтобы спорить с Уэйном из-за очередного долга, а он вел себя очень грубо, насмехался над ее воспитанностью и упрекал в наивности.

Сильвия обиделась, но промолчала. Вскоре Уэйн должен был уехать из города и примкнуть к «зеленым», которые потерпели неудачу, протестуя против строительства автострады, и собирались двинуться на юг, чтобы соединиться с еще одной группой, требующей закрытия военного полигона.

Сильвия считала это благим делом.

— Поезжай с нами, — предложил Уэйн, но тут же со смехом добавил, — Нет, конечно, ты не сможешь... Мамочка не отпустит, да?

Сильвия не ответила. Она все еще находилась под впечатлением смерти Дэвида. Студенческая жизнь, казавшаяся поначалу такой вольной и многообещающей, оказалась куда более сложной и тягостной.

Сильвия похудела, утратила надежду и всякое желание учиться.

Погода стояла жаркая, и в воздухе все время чувствовалось ожидание грозы. Пусть скорее грянет буря, — размышляла Сильвия, возвращаясь в свою маленькую квартирку. Есть ей не хотелось, а перспектива провести вечер за книгами ни в малейшей степени ее не прельщала. Сильвия скучала по Дэвиду и его рассказам, но еще больше скучала по Рэну.

День был таким жарким и душным, что Сильвия приняла холодный душ и надела на голое тело старую хлопчатобумажную рубашку, некогда принадлежавшую Алексу. Полчаса спустя пришел Уэйн с бутылкой вина, и откупорил бутылку вопреки всем отговоркам Сильвии. С ним невозможно было спорить — проще уступить, но от наркотиков Сильвия отказалась твердо.

— Возьми, пожалуйста, — легким тоном предлагал он, но Сильвия заметила, что сам он никогда не употребляет.

— Так ты одолжишь мне денег? — спросил Уэйн несколько минут спустя, растянувшись на диванчике и глядя, как Сильвия безуспешно пытается заниматься. Под его взглядом она чувствовала себя неудобно, и не только потому, что не могла выполнить его просьбу. Нет, это было нечто большее; она почему-то вспомнила, что под рубашкой Алекса на ней ничего нет.

— Прости, сейчас не могу... — извинилась она. — Я... жду, пока Алекс пришлет мне чек. Слушай, Уэйн, я не хочу показаться негостеприимной, но мне честно надо заниматься...

— Выгоняешь меня...

— Только не обижайся, — сказала Сильвия, выразительно махнув рукой в сторону книг, стопкой сложенных на столике.

Сначала ей показалось, что Уэйн затеет спор, но, к ее облегчению, он послушно направился к двери. Обрадовавшись, Сильвия решила его проводить. Открыв дверь, она увидела

«лендровер», притормозивший у тротуара, и ее сердце лихорадочно забилося. Словно заметив ее замешательство, Уэйн неожиданно сгрел ее в охапку, прижал к открытой двери и грубо поцеловал в губы.

Сильвия немедленно вырвалась, но Рэн, уже вылезший из «лендровера» успел заметить и поцелуй, и ее более чем легкомысленный наряд.

К счастью, у Уэйна в кармане зазвонил мобильный телефон, и он направился к машине, бормоча что-то в трубку.

Когда Рэн подошел к двери своим широким и решительным шагом. Сильвия не знала, что и делать.

— Рэн! — слабым голосом воскликнула она. — Какая неожиданность. Я не знала... Я не ожидала...

— Конечно, нет, — резко ответил Рэн, шагнув мимо нее в крохотную прихожую и плотно затворив дверь. — Прости, если я не вовремя, но боюсь, я помешал бы гораздо сильнее, если бы приехал, скажем, на полчаса раньше.

Сильвия густо покраснела, заметив взгляд Рэна и догадавшись, на что он намекает. Рэн решил, что Уэйн ее любовник.

— Это не... мы не... Уэйн просто мой друг... — защищаясь, промямлила она.

Рэн тут же изогнул бровь.

— Друг! Скажи, Сильвия, и часто ты встречаешься с другом, одетая только в его рубашку?

— Это не Уэйна рубашка, а Алекса, — с пылающим лицом возразила Сильвия.

Что здесь понадобилось Рэну? Зачем он приехал? Ее сердце забилося еще быстрее.

— Рубашка Алекса? — нахмурившись, переспросил Рэн.

— Да... Мне нравится ее надевать... Она напоминает мне о доме... об Алексе и о тебе. Я скучаю по вам обоим, — дерзко ответила Сильвия, и затаила дыхание в ожидании его ответа.

Должно же быть какое-то объяснение его приезду и реакции на поступок Уэйна... Можно ли надеяться, что за его злостью скрывается хотя бы капля ревности? Я уже женщина, — напомнила себе Сильвия, — а не ребенок, и...

— О доме...? — Рэн внезапно нарушил ход ее мыслей. — Вряд ли твоей маме понравится, что ты называешь «Отель-Плейс» своим домом.

Сильвия прикусила губу. Мать, и вправду, не одобряла ее привязанность к дому Алекса и предпочла бы, чтобы Сильвия, как и она, чувствовала себя горожанкой.

— Я уже взрослая, — храбро заявила Сильвия. — Я сама все решаю...

— Вижу... И когда разгуливаешь перед друзьями в рубашке Алекса, это только твой выбор, да, Сильвия?

Ее лицо вспыхнуло. Теперь в голосе Рэна не чувствовалось ни малейшей ревности, а только

братская обеспокоенность.

— Я... я не ожидала, что Уэйн придет. Было так жарко. Я приняла душ и...

— Уэйн... Так это и есть тот друг, который выцыганил у тебя половину твоего содержания за последние три месяца?

Сильвия побледнела. Лучше бы Алекс не говорил ему об этом.

— Я... Он отдаст. — Она пыталась защитить не столько Уэйна, сколько себя.

— Как сильно все изменилось с тех пор, как я был студентом, — цинично заметил Рэн. — Тогда мужчины платили за все, а женщинам не приходилось покупать мужское внимание за деньги.

Сильвия уставилась на него, не способная скрыть ни своего удивления от его слов, ни обиды.

— Это не так... Я не платила Уэйну. Я не...

Она резко умолкла и отвернулась. Как объяснить Рэну... именно Рэну... что она не стремится к сексу, после того, как сама так безрассудно признавалась ему в своих чувствах? Поэтому он теперь смотрит на нее с таким цинизмом, с такой насмешливой и презрительной улыбкой.

— Я здесь по просьбе Алекса, — сказал Рэн, не дождавшись продолжения. — Он уехал по делам, но попросил вручить тебе это...

Рэн вынул из бумажника чек и протянул Сильвии.

Сильвия судорожно сглотнула.

— Ты мог бы выслать его по почте, — прошептала она.

— Алекс хотел передать его из рук в руки.

— Это так далеко... Я могла бы... Хочешь что-нибудь выпить... перекусить...?

— Лучше кофе, — кратко ответил Рэн, входя вслед за ней в маленькую гостиную.

Бутылка вина, принесенная Уэйном, все еще стояла на столике рядом с пустым бокалом, и Сильвия заметила, как мрачно смотрит Рэн на ее письменный стол.

Деревянная перегородка отделяла гостевую часть комнаты от кухонного уголка, и Рэн прислонился к этой перегородке, дожидаясь, пока Сильвия сварит кофе.

— Ты похудела, — резким тоном заметил он, когда Сильвия наконец дала ему чашку. — Причина только в сексе, Сильвия, или в чем-то другом?

Когда до Сильвии дошел смысл его слов, она чуть не выронила чашку, покраснев от возмущения.

— Я не наркоманка, если ты на это намекаешь, — со злостью выпалила она. — Я не такая дура, Рэн.

Сильвия зажмурилась, с болью вспомнив Дэвида и его загубленную жизнь. Нет, наркотики не для нее, и жаль, что Рэн этого не понимает.

Душевный подъем и радость, испытанные ранее, схлынули, уничтоженные злым и презрительным отношением Рэна. Внезапно Сильвия почувствовала гнетущую усталость и тошноту — последствие голода, выпитого спиртного и слишком сильных эмоций.

Почувствовав, как на глаза наворачиваются слезы, Сильвия инстинктивно схватила Рэна за рукав и в отчаянии воскликнула:

— Рэн, почему у нас всегда все плохо? Почему... мы не можем быть друзьями...?

— Друзьями?

Она отпрянула, услышав горечь в его голосе.

— Что же за дружбу такую ты мне предлагаешь, Сильвия? Такую же дружбу, как с тем парнем, который только что ушел? Что тебя не устраивает? Он не может тебя удовлетворить? Тебе нужен кто-то еще для сравнения? Потому что тогда...

Терпение Сильвии лопнуло.

— Я вовсе не это имела в виду, — заорала она. — Я ненавижу тебя, Рэн... Я ненавижу тебя, — повторила она сквозь слезы. Ребенок победил в ней женщину, которой она всегда стремилась стать, и она набросилась на Рэна с кулаками, отчаявшись сломать барьер, который он воздвиг между ними.

— Сильвия, прекрати.

Только когда Рэн схватил ее за руки, Сильвия осознала, что она делает. Покраснев от стыда, она попыталась отвернуться, но вдруг почувствовала, как он шепотом ругнулся, а потом легонько провел рукой по ее волосам и склонился к ней, жарко дыша ей в лицо, а его рот, его губы ...

Его губы!

Потрясенная тем, что Рэн действительно ее целует, Сильвия тут же забыла все, что предшествовало этому, — их ссору, собственную злость и обиду — все, кроме своей любви!

Она инстинктивно прильнула к нему, разомкнула губы, радостно и пылко отвечая на его поцелуй, наивно веря, что вопреки всему Рэн к ней неравнодушен. Иначе ведь он не стал бы ее целовать, правда?

— Рэн.

Сильвия произнесла его имя, как мольбу. Рэн ласкал ее губы кончиком языка, поглаживал их, пробовал на вкус. Она почувствовала его дрожь и, воспрянув духом, осмелилась просунуть свой язык ему в рот. Ею управлял скорее инстинкт, чем умение, но результат ее поступка оказался совершенно ошеломляющим. Рэн принялся ласкать ее тело, прижав ее к себе еще крепче и продолжая целовать с таким жаром, что Сильвия потеряла голову окончательно, осознав огромную разницу между своей нежной застенчивостью и его яростной мужской страстью.

По телу Сильвии разлился жидкий огонь, когда она ощутила всю силу его возбуждения; в восторге от происходящего, она готова была подчиниться. Ей хотелось видеть его, прикоснуться к нему, пробовать на вкус, ощущать его близость всеми органами чувств. Она хотела, стремилась, жаждала слиться с ним, раствориться в пламени обоюдной страсти. Она хотела...

Со стоном Сильвия вырвалась из его объятий и попросила, взмолилась, дрожа всем телом:

— Рэн... не здесь... Я хочу... Пошли в кровать... — прошептала она, покраснев от смущения. Но когда она взглянула на Рэна, в ее глазах светилась гордость, а не стыд. Что может быть постыдного в ее любви? Ведь это он первый поцеловал ее...

— Сильвия...

Неожиданная резкость в голосе Рэна слегка задела Сильвию, но она решила не обращать внимания. Шагнув к нему и не отводя взгляда от его глаз, она решительно протянула руку и дотронулась до его тела.

Казалось, он весь вспыхнул огнем, хотя касание ее пальцев было таким же легким, как крылья бабочки.

— Ты хочешь меня, Рэн, — дрожащим голосом заключила Сильвия, — а я хочу тебя.

Затем, не дожидаясь ответа, она медленным, но решительным шагом направилась в свою спальню.

Только у двери она обернулась.

Рэн стоял на том же месте, бледный, как полотно, его глаза блестели...

Торопливо отведя взгляд, не дожидаясь, пока храбрость ее покинет, Сильвия расстегнула пуговицы и сбросила рубашку на пол.

Быть может, это решение было одним из самых трудных в ее жизни, но теперь, стоя голой перед Рэном, Сильвия чувствовала себя сильной, храброй и очень, очень женственной.

В глазах Рэна появился странный свет, и Сильвия с замиранием сердца заметила, как напряглось его лицо, когда он отвернулся.

— Рэн... — тихо произнесла она.

— Сильвия, ради бога...

Не обратив внимания на явную угрозу в его голосе, она развернулась и скрылась за дверью спальни. Секунду спустя он вошел вслед за ней, громко хлопнул дверью и наклонился, чтобы поднять с пола брошенную рубашку.

— Вот. Надевай, — резко приказал он.

Сильвия взглянула на него.

Рэн стоял от нее на расстоянии вытянутой руки, и она чувствовала, что несмотря на строгий вид он все еще возбужден.

Сильвия нервно облизнула губы и вздрогнула, заметив его взгляд.

— Сам надень на меня, Рэн, — прошептала она и шагнула к нему, а только потом заметила, что теперь уже она, не отрываясь, смотрит на его губы, и тогда...

Она услышала стон Рэна, заметила краем глаза, как он отбросил в сторону рубашку, и

бросилась к нему в объятия, а он принялся покрывать ее лицо, шею, губы жаркими, лихорадочными поцелуями.

— О Рэн... Рэн... — восторженно шептала Сильвия, обвивая его руками. — Я так тебя хочу... Так люблю...

Но вряд ли Рэн слышал ее слова, заглушенные поцелуем.

— Я хочу, чтобы ты разделся, — хриплым голосом заявила Сильвия, как только снова обрела способность говорить. — Я хочу видеть тебя всего, Рэн... Я хочу...

Рэн выполнил ее застенчивую просьбу, ни на секунду не сводя глаз с ее лица. Сначала он снял рубашку, обнажив свою мускулистую грудь, покрытую шелковистыми темными волосами. Сильвия следила за ним, затаив дыхание. Она и раньше видела его раздетым, в одних только плавках, но это... это совсем другое. Тогда он относился к своей наготе, как чему-то само собой разумеющемуся, а теперь...

Сильвия снова облизала губы, заметив его горящий взгляд.

Джинсы последовали за рубашкой, и сердце Сильвии лихорадочно забилось. Его кожа была такой гладкой, такой загорелой, а его тело...

Она торопливо отвела взгляд, внезапно осознав свою неопытность, наивность, девственность, но все опасения были тут же забыты, сметены волной желаний и восторга. Через несколько секунд Сильвия осуществит то, о чем так долго мечтала, сможет посмотреть, прикоснуться...

— Рэн...

Не в силах удержаться, она пересекла разделяющее их расстояние, зажмурившись, уткнулась лицом в его грудь, вдохнула его возбуждающий аромат и робко прижалась сомкнутыми губами к его коже.

Его прикосновение, его запах показались ей настолько приятными, что она осмелилась открыть глаза и лизнуть его кожу. Сердца Рэна забилось сильнее. Он крепче обнял ее, а потом, неожиданно, поднял на руки, уложил на постель и принялся ласкать ее и целовать так, что самые безумные ее мечты померкли в сравнении с реальностью.

Ее груди налились, соски затвердели, жажда прикосновений и поцелуев.

Когда губы Рэна прижались к ее груди, Сильвия застонала, извиваясь всем телом, охваченная безумным желанием.

— Рэн... Рэн...

Она лихорадочно шептала его имя, зарывшись лицом в его горячую кожу, лаская и целуя его везде, куда могла дотянуться.

— Рэн... сейчас... пожалуйста... сейчас, — взмолилась Сильвия, сама удивляясь своей страсти, своему всепоглощающему желанию.

Она почувствовала интимное прикосновение его пальцев, но отвела его руку. Ее женская сущность вынудила ее отвергнуть удовольствие, которое было бы всего лишь заменой тому, для чего создала ее природа.

Не имея опыта, который мог бы подсказать ей, Сильвия подчинилась инстинктам, приподняла бедра, качнулась ему навстречу, и наконец Рэн обхватил ее руками и вошел в нее.

Сильвия не удержалась от вскрика, ее тело напряглось, а глаза широко раскрылись, когда она почувствовала его внутри себя.

Рэн замер и нахмурился, осознав ее неопытность, и попытался отодвинуться, но Сильвия вцепилась в него руками и ногами, удерживая в объятиях, пока его тело не взяло верх над рассудком.

Осуществилось все то, о чем так долго мечтала Сильвия, и даже больше — блаженство, упоение, райское удовольствие. Хотя, когда все закончилось, лежа в объятиях Рэна, она чувствовала легкую боль... Да, ей было больно, но зато она безумно годилась собой. Наконец она стала женщиной. Женщиной Рэна... Они поженились в «Отель-Плейсе», и Алекс поведет ее к алтарю... Счастливая, она погрузилась в сон.

Проснувшись утром, Сильвия обнаружила, что лежит в постели в одиночестве, и даже решила поначалу, что все это ей приснилось. Но когда она прошлепала в гостиную, Рэн, полностью одетый, ждал ее у окна. Сильвия с радостью бросилась к нему и обвила его руками, но вместо того, чтобы обнять ее в ответ, поцеловать и снова отнести в постель, он решительно разжал ее объятия и резко оттолкнул.

— В чем дело? Что не так? — непонимающе спросила Сильвия. — Прошлой ночью...

— Прошлая ночь была ошибкой, — перебил ее Рэн. — Этого не должно было случиться, и я... Почему ты не сказала, что была девственницей?

— Я... Я... — Глаза Сильвии наполнились слезами.

Вот чего быть не должно — Рэн, такой равнодушный, холодный и отчужденный, набрасывается на нее с обвинениями.

— Рэн, я люблю тебя, — дрожащим голосом призналась она. — Я хочу, чтобы мы были вместе... поженились...

— Поженились? Ты все еще ребенок, Сильвия... Твоя мать...

— Я уже не ребенок. Мне скоро будет двадцать, — торопливо возразила она.

— Ты ребенок, — упрямо заключил Рэн, — и насколько я понимаю... Почему ты не сказала мне? Почему ты вела себя так, словно Уэйн твой любовник?

— Я говорила, но ты не слышал. Я думала, тебя обрадует... что ты мой первый... мой единственный...

— Обрадует? О, Господи. — Рэн разразился хриплым, горьким смехом. — Ко всем прочим неприятностям не хватает еще, чтобы ты забеременела...

Сильвия побледнела. Прошлой ночью, потеряв голову от любви, она мечтала зачать от него ребенка, а теперь, после его слов, испытала самое жестокое в своей жизни разочарование.

— Я принимаю гормональные таблетки, — тихо сказала она, опустив голову. — Просто... я... Врач выписал мне их по другой причине.

Это было правдой, и у нее кровь застывала в жилах при мысли о том, с какой неохотой она согласилась принимать лекарство. Слава богу, что согласилась. Она не могла вынести этого осуждения, этой горечи в глазах Рэна.

Все ее мечты и надежды рухнули.

— Пожалуйста, иди и оденься, — потребовал Рэн. — Я скоро уеду, но сначала нам надо поговорить.

Одеться!

Внезапно Сильвию охватило жгучее чувство вины и собственной греховности. Натягивая одежду в своей спальне, она уже знала, что дорого заплатила за свою близость с Рэном — не только потерей невинности, но утратой любви и уверенности в себе, как в женщине. Она думала, что никогда уже не захочет снова видеть Рэна, не осмелится взглянуть ему в глаза. Прошлая ночь ничего для него не значила, а Сильвия была для него всего лишь безликим телом, с которым он удовлетворил свою физиологическую потребность.

Когда она вернулась в гостиную, Рэн налил ей кофе. Взяв чашку, Сильвия проследила за тем, чтобы не только не коснуться его пальцев, но и не братья за чашку в том месте, где ее держал он. Узнав о его истинном отношении, она почувствовала себя уничтоженной, опозоренной, запятнанной. Больше всего на свете Сильвии хотелось вышвырнуть его из своей квартиры, своей жизни и своего сердца.

— Сильвия...

— Я не хочу говорить об этом, Рэн, — гордо заявила она, отвернувшись. — Так получилось. Мы оба знаем, что это ошибка, но иногда девушкам приходится терять невинность... — Она с болью повела плечом. — Уэйн обрадуется. Как и ты, он не хотел быть первым...

Что она несет? Сильвия сама удивлялась своим словам, но гордость вынуждала ее притворяться, что Рэн не обидел ее, что он не способен причинить ей боль.

— Ты затащила меня в постель, чтобы потом трахаться с Уэйном?

Ей почудилось недоверие и что-то еще в гневном голосе Рэна, но она отбросила свои подозрения и вскинула голову, поворачиваясь к нему лицом.

— Да, — согласилась она.

— Я тебе не верю, — решительно заявил Рэн и угрожающе добавил, — Ты говорила, что любишь меня. Ты даже заговаривала о свадьбе...

Сильвия равнодушно пожала плечами.

— Разве не так должны вести себя девственницы? — Она состроила легкомысленную гримасу. — Как я могу любить тебя, Рэн? Я что, обязана тебя любить? Ты только и делаешь, что постоянно меня ругаешь. Я хочу, чтобы ты ушел...

— Сильвия, ты не можешь...

— Уэйн скоро придет, — соврала Сильвия и беспечно добавила. — Он давно меня уговаривал найти кого-нибудь, чтобы... стать женщиной. Он очень опытный и любит, чтобы его любовницы

знали толк в сексе... Уэйн — тот мужчина, которого я люблю.

Что она ему наплела? Сильвия поверить не могла, что оказалась способной на такую ложь, но Рэн все принял за чистую монету.

Отставив нетронутую чашку кофе, он шагнул к ней.

Сильвия отпрянула.

— Не понимаю, чего это ты так распсиховался, — сказала она, — Это такая мелочь...

— Да... для тебя, наверное, — мрачно перебил ее Рэн.

— И для тебя тоже. — Раздался звонок, и Сильвия кинулась к телефону, бросив через плечо, — Это Уэйн...

Естественно, это оказался не Уэйн, и Сильвия дико смутила и сбила с толку беднягу продавца из фирмы, торгующей стеклопакетами, заявив ему, что сделала все, что он просил, и теперь ждет не дождется, когда же он приедет, и они смогут быть вместе, если он понимает, о чем речь. Звучно чмокнув телефонную трубку, она нажала на рычаг и повернулась к Рэну.

— Уэйн уже в пути, так что если не хочешь остаться и посмотреть, чему я успела научиться...

Она продолжала улыбаться — все той же неестественной, фальшивой улыбкой, с которой бросила ему вызов — даже после того, как дверь захлопнулась и по ее лицу потоком хлынули слезы.

Поздним утром она и вправду встретилась с Уэйном, но совершенно случайно. Ей хватило двух часов после ухода Рэна, чтобы обдумать случившееся и прийти к выводу, что она не должна больше видеться с Рэном... и со всеми, кому он близок.

— Привет, куколка, — усмехнулся Уэйн. — Кажется, нам пора распрощаться. Я сегодня уезжаю с «зелеными».

И тогда Сильвия приняла решение, воспользовавшись возможностью сбежать не только от Рэна, но и от всего, что с ним связано — от своей любви, своего стыда и страха, что он раскусит ее ложь.

— Я еду с тобой, — решительно заявила она, и добавила, прежде чем Уэйн успел возразить, — Сводный брат прислал мне денег, так что я не буду нахлебницей.

— Сколько он тебе прислал? — с интересом спросил Уэйн.

Час спустя, сложив все необходимые вещи, Сильвия заперла дверь квартиры и вышла к Уэйну, ожидавшемуся ее в машине.

Теперь она стала другим человеком. Рэн, ее любовь к нему, жизнь, которую она когда-то вела — все осталось в прошлом и будет благополучно забыто.

Седьмая глава

Шум в саду за окном отвлек Сильвию от воспоминаний. Она растерянно выглянула в пронизанную лунным светом темноту и торопливо отвела взгляд, заметив скрывшегося в тени Рэна.

Как долго он стоит там и смотрит на нее? Судя по одежде, он работал, должно быть, выслеживал браконьеров, которых тут наверняка не меньше, чем в поместье ее сводного брата.

Дрожа, она направилась к кровати. Пробыло три часа утра, и проведя ладонью по щеке, Сильвия заметила, что ее лицо намокло от слез.

Что за глупость — стоять тут посреди ночи, оплакивая свое прошлое? Как же она завидует Рэну. Он-то небось и слезинки по ней не пролил.

Что случилось с ее характером, с силой воли, с данным себе обещанием никогда больше не позволить Рэну оскорблять себя, как в тот прошлый раз, когда они встретились как враги, после того как Сильвия позволила «зеленым» вторгнуться на землю Алекса и разрушить хорошенькую лужайку среди леса, которую сама же и помогала обустроить... в отместку за разрушенную любовь?

Рэн возненавидел ее за это не меньше, чем она его. Она прочла это в его глазах, когда он провожал ее в Америку.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Сильвия.

— А ты как думаешь? — огрызнулся Рэн, но она и сама знала ответ. Он хотел убедиться, что она действительно уезжает.

Теперь она вернулась, вернулась, чтобы узнать, что не все меняется, и не каждая любовь проходит.

Ей уже не двадцать лет; и теперь она знает, что невозможно убежать от себя и от своей любви. У нее есть работа, обязательства, и вообще, что дало ей то, первое, бегство? Ведь она так и не перестала любить его?

В уютном полумраке залитого лунным светом сада Рэн прислонился к стволу дерева и закрыл глаза. Известие о том, что Сильвия является представителем Траста, вызвало в нем то же чувство горькой иронии, что и сообщение о неожиданном наследстве. Миллионером он, конечно, не стал, но его жизнь и планы на будущее совершенно изменились с тех времен, когда мать Сильвии обсуждала с Алексом детскую влюбленность своей дочери.

Естественно, Рэн знал о ее чувствах, как знал и то, что Сильвия в свои семнадцать лет была еще слишком юной и совершенно не готовой к серьезным отношениям.

— Так какого черта ее мать на меня наезжает? — в ярости воскликнул Рэн, меряя шагами пол библиотеки в доме Алекса.

Алекс сочувственно покачал головой.

— Мне трудно говорить об этом, Рэн. Ты мой друг и мой...

— Твой работник... — Рэн поморщился. — И, конечно, с точки зрения матери Сильвии я мало чем отличаюсь от слуги, — презрительно добавил он.

Алекс промолчал, не мешая другу выплескивать свой гнев.

— Тебя это тоже беспокоит, — пришел к выводу Рэн. — Иначе ты не завел бы этот разговор.

— Да, в некотором роде, — спокойно согласился Алекс. — Хотя меня волнует вовсе не то, что ты якобы не ровня Сильвии. Я знаю твою семью, Рэн, и твою родословную, так что в вопросе, кто кого знатнее, пожалуй, Сильвия тебе еще и уступит. Но ты сам должен понимать, что эти проблемы мне до лампочки. Нет, если честно, я беспокоюсь совсем о другом, и наверное, должен был обсудить это с Сильвией, а не с тобой, но... понимаешь, она мне не родная сестра, мы даже не родственники, и, боюсь, я совершенно не способен понять психологию девочек-подростков. Короче... Сильвия вбила себе в голову, что любит тебя. Я считаю, что ради вас обоих эти чувства не стоит... поощрять. Она еще маленькая и неопытная, и я не хотел бы, чтобы она страдала... и ты тоже.

— Чего ты боишься? — взорвался Рэн. — Что я затащу ее в постель?

— Это настолько уж невозможно? — тихо спросил Алекс. — Я ни в чем тебя не обвиняю, Рэн; физически она уже взрослая, и любит тебя... или убеждена, что любит...

— Она увлечена мною, но долго это не продлится, — мрачно перебил его Рэн. — Это ты хочешь мне сказать? А я не должен прикасаться к ней, пока она не вырастет... или не разлюбит меня... Но как же мои чувства? Что, если я...? — Он покачал головой, злясь на себя и на Алекса. Даже больше на себя, потому что Алекс всего лишь выполнял свой долг сводного брата. — Ты прав, она еще ребенок, и чем скорее вырастет и забудет меня, тем лучше, — твердо сказал Рэн. — А что касается постели, — буркнул он, когда Алекс уже собрался уходить, — это не проблема.

Это и не было проблемой до тех пор, пока Рэна не начало тошнить от женщин, которые значили для него так же мало, как и он для них. Но даже находя в них какое-то утешение, он с большим трудом сумел сдержать данное себе и Алексу обещание. Были моменты, не такие уж редкие, когда Рэн готов был сдать, как в тот раз, когда он вытащил Сильвию из грязного озера и отвез в свой коттедж. Господи, как же ему хотелось принять все то, что она так невинно ему предлагала, взять на себя роль не соблазнителя, а волшебника, превращающего детское увлечение в настоящую, зрелую любовь.

Но вопреки всем соблазнам Рэн постоянно напоминал себе о разнице в их возрасте, опыте и уровне жизни. Он любил свою работу и ни на что бы ее не променял, но вряд ли можно было ожидать от девушки, выросшей в роскоши, что она согласится переехать в жалкую хибару управляющего помещьем или дожидаться в одиночестве его возвращения с работы... Будь она старше, опытнее... беднее... все могло бы сложиться по-другому. Так что Рэн упрямо боролся с искушениями и мог вполне гордиться своей самоотверженностью до того рокового дня, когда ему пришлось отвезти Сильвии чек от Алекса.

Увидев ее на пороге дома, в одной только мужской рубашке — рубашке, сквозь которую в лучах жаркого летнего солнца просвечивала пышная и упругая грудь, и даже темные кружочки сосков — увидев ее с другим мужчиной, очевидно, любовником, Рэн испытал такую вспышку гнева, обиды и ревности, что совершенно потерял голову.

Гораздо позже, когда уже ничего нельзя было изменить, убедившись, что в ее жизни не было других любовников, Рэн едва не свихнулся от чувства вины и отвращения к самому себе.

— Я люблю тебя, — с невинным видом сказала Сильвия. — Я хочу, чтобы мы были вместе...

Всю прошлую неделю Рэн обсуждал с Алексом, как бы уменьшить расходы на управление помещьем. В числе прочего Рэн предложил сдать в аренду его коттедж и переехать в хозяйский дом. Он знал, что если Алекс примет его предложение, ему даже некуда будет привести Сильвию. Трудно представить, как бы восприняла ее мать весть о том, что Сильвия

будет жить в комнате для прислуги. А сама Сильвия еще так молода, так наивна... у нее вся жизнь впереди. Какое право имеет Рэн привязывать ее к себе? Пять или десять лет спустя она сама поймет, что совершила ошибку, и обвинит его в том, что он воспользовался ее юностью и неопытностью.

И когда он пришел к единственно правильному решению, она огорошила его сообщением о своих отношениях с Уэйном.

Рэн совершенно не ожидал такого поворота, но что-то в выражении ее глаз и в голосе заставило его поверить каждому ее слову. И он ушел, убеждая себя, что делает это ради нее, и что когда-нибудь, однажды сумеет ее забыть.

И, естественно, не забыл.

Теперь она вернулась в его жизнь, уже не девушка, а женщина, и какая женщина! Женщина, которую он любит... и которая ненавидит его в ответ.

Это ранило его даже сильнее, чем ее подозрение в мошенничестве... Понимает ли ее обожаемый Ллойд, как сильно ему повезло, и как много бы отдал сам Рэн за одно-единственное ее объятие и признание в любви? Отдал бы все, что у него есть...

Какой же он дурак. Она не любит его, она его презирает.

Увидев ее в окне на пути домой, он испытал сильнейший прилив желания. Теперь уже нет смысла ложиться: скоро рассвет, а если Рэну и хочется улечься в постель, то вовсе не для сна, и уж тем более не в одиночестве.

Сегодняшний поцелуй воскресил его любовь и страсть. Рэн понятия не имел, как сможет пережить следующие несколько месяцев. Он мрачно отвернулся, уходя от искушения, которым была для него спальня Сильвии, постель Сильвии, сама Сильвия.

Восьмая глава

— Привет, детка, это я, Ллойд.

Сильвия радостно улыбнулась, услышав голос начальника.

— Ллойд, — ответила она, — как дела?

— Замечательно. Слушай, мне тут придется смотаться в Англию по одному делу и я решил заскочить в Дербишир и проверить, как ты там управляешься в Хавертон-Холле.

Сильвия рассмеялась. Ллойд вел себя как ребенок, получивший в подарок новую игрушку. Каждый раз, покупая новое здание, он клялся, но ноги его там не будет, пока не закончится ремонт, и каждый раз не мог сдержать свое любопытство. Он даже не столько стремился узнать, как идут дела, сколько подсмотреть, словно мальчишка, заглядывающий тайком в коробку с рождественским сюрпризом. Сильвия знала, что сколько бы собственности ни купил Ллойд, он все равно продолжал влюбляться в свои новые приобретения, а Хавертон-Холл стоил того, чтобы в него влюбиться.

Этим утром у Сильвии были назначены переговоры с представителями ремонтной фирмы. Мастера этого предприятия прошли обучение в Италии, на фирме, услугами которой Сильвия пользовалась при восстановлении палатки. Она видела образцы их работ и знала, что как бы

дорого это ни обошлось, все затраты оправдаются.

— Когда приезжаешь? — спросила она Ллойда, продолжая улыбаться.

— Я заказал билет на сегодняшний рейс «Конкорда».

Сильвия услышала скрип открывающейся двери, но не обернулась. Присутствие Рэна она чувствовала кожей. С той ночи, когда он поцеловал ее и они поссорились, оба старались держаться подальше друг от друга. Следующим утром Сильвия обнаружила в своем кабинете пачку документов, полностью доказывающих, что Рэн сам оплатил все работы в Доме священника.

Она извинилась, очень коротко и сухо, и заявила, что он далеко не первый клиент, попытавшийся воспользоваться великодушием Ллойда.

— Лично я никем не воспользовался, — ехидно напомнил ей Рэн, прежде чем уйти.

С тех пор все контакты между ними были сведены к минимуму.

— Ой, Ллойд, как здорово! — искренне воскликнула Сильвия. — Я соскучилась по тебе. — Это было правдой. Она действительно скучала. — Слушай, мне надо бы повидаться кое с кем в Лондоне. Может, там и встретимся? Мне придется где-то переночевать. В «Аннабель»? — переспросила она и, шутя, добавила, — Ну разве это не романтично?

— Я много хорошего слышал об их дизайнере, — насмешливо ответил Ллойд. — Мой интерес к этой гостинице сугубо профессиональный.

Когда Сильвия закончила разговор, Рэн уже ушел. И слава богу, чем меньше она общается с ним, тем лучше. Ей было намного приятнее ужинать в одиночестве, чем мучиться от его присутствия, хотя иногда она и спрашивала себя, с кем он проводит вечера. Наверняка это Вики. Эта женщина названивала ему постоянно и нахально мурлыкала в трубку, когда к телефону подходила Сильвия: «Передайте Рэну, чтобы он мне перезвонил. Он знает мой номер».

Конечно, знает, — съехидничала про себя Сильвия, — как и любой другой мужчина, испытавший на себе сексуальное притяжение этой «разведенки».

Мастерская «Филлипса и Компании», реставраторов и мастеров позолоты, располагалась в дальнем конце узкой аллеи, в окружении нескольких старинных домов.

Проходя по внутреннему дворику, Сильвия чувствовала себя, как путешественница во времени. При виде узких елизаветинских зданий с выступающими вперед верхними этажами у нее вырвался вздох восхищения.

— Это собственность королевской семьи, — сообщил Сильвии руководитель фирмы Стюарт Филлипс. — Они очень тщательно следят и за порядком в домах и за тем, кто является арендатором. Мы смогли снять здесь помещение только после того, как отреставрировали один из королевских дворцов.

Час спустя, когда Сильвия подробно описала Хавертон-Холл и работу, которую требуется выполнить, Стюарт сказал:

— Мы можем взяться, но это обойдется вам очень дорого.

— Пускай дорого, — произнесла Сильвия и с улыбкой добавила, — лишь бы не чрезмерно. Здесь вам хватит работы на целый год.

— У нас очень много заказов, — вежливо заметил Стюарт.

— Нет, насколько мне известно. Я слышала, у вас крупный контракт сорвался из-за недостатка денег.

— Не знаю, кто вас информирует... — повысил голос Стюарт Филлипс, но Сильвия его перебила.

— Давайте будем честными друг с другом, — твердо предложила она. — Мы оба занятые люди, и у нас нет времени на пустые пререкания. Вы лучшие в своем деле, и я хочу, чтобы в Хавертон-Холле работали лучшие, но... есть ведь и другие фирмы...

— Мне нужны гарантии, что этот контракт будет доведен до конца, — нахмурившись, сказал Стюарт. — Я не хотел бы складывать все яйца в одну корзину...

— Гарантии будут, — заверила его Сильвия.

— Гм... Судя по описаниям, оригинальная отделка выполнялась на очень высоком уровне, особенно резьба по дереву. Кстати, сами описания сделаны великолепно; даже вся мебель перечислена и цветовое оформление каждой комнаты.

Сильвия знала, что благодарить за это нужно Рэна. Обычно ей приходилось перекапывать гору документов, чтобы составить четкое представление о том, как первоначально выглядело убранство дома. На этот раз Рэн сделал за нее всю грязную работу. Но Сильвия не стала рассыпаться в благодарностях. Она не собиралась давать ему ни малейшего преимущества.

К концу разговора со Стюартом Филлипсом Сильвия добилась от него согласия полностью сосредоточиться на работе в Хавертон-Холле, хотя ей и пришлось ради этого пообещать дополнительную оплату. Она всегда старалась уложиться в отпущенный бюджет, но никогда не гонялась за дешевизной. Дело того стоит, — заключила она, выходя из внутреннего дворика. — Хавертон-Холл этого стоит.

Сильвия должна была встретиться с Ллойдом в гостинице во время вечернего чая. Он обожал эту традицию.

— Ни в одной стране мира не подают вечерний чай, как в Англии, — счастливым тоном заявил Ллойд час спустя, когда Сильвия пришла к нему в номер.

— Надеюсь, что нет, — усмехнулась она, прежде чем перейти к своему рассказу о встрече с реставраторами.

— Ты уверена, что они не хуже итальянцев? — переспросил Ллойд, его голос внезапно стал деловым и даже настороженным.

— Даже лучше, — просто ответила Сильвия. — Видишь ли, первоначальную отделку дома делали англичане, выучившиеся в Италии, как и мистер Филлипс. И мне кажется, что их работа, хотя и итальянская по стилю, несет в себя явное английское влияние — там, где итальянцы изображали херувимов и аллегорические сцены, английские ремесленники

помещали животных, птиц и картины природы.

— Почему бы тебе не остаться здесь на ночь? — предложил Ллойд, когда они закончили обсуждать мистера Филлипса и его команду. — Я могу позвонить и заказать для тебя номер.

Сильвия покачала головой.

— Нет, спасибо. Я пообещала маме, что переночую у нее.

Зная, что у Ллойда вечером назначен деловой ужин, Сильвия ушла сразу после пяти, договорившись встретиться завтра в десять утра.

Из гостиницы она направилась напрямиком к матери и покорно вытерпела ее знойные объятия.

— Милая, я сегодня вечером иду играть в бридж. Я, конечно, могла бы отказаться, но...

— Ничего страшного, — с улыбкой успокоила Сильвия свою маму.

— Что ж, зато мы сможем вместе поужинать и ты расскажешь мне последние новости. Как там дорогуша Рэн? Это так потрясающе, его наследство... его титул...

Улыбка Сильвии увяла.

— У Рэна все хорошо, — сказала она и равнодушно добавила, — Мы редко видимся: заняты очень.

— Ой, милая, какая жалость, — воскликнула мама.

— Я... — Сильвия уставилась на нее в упор. — Когда-то он тебе страшно не нравился. — «И мои чувства к нему», хотела она добавить, но не добавила.

— Но, милая, это же было до...

— До чего? До того, как он унаследовал титул?

— Конечно, ведь это все меняет. — Под насмешливым взглядом Сильвии мать начала оправдываться. — Теперь Рэн самый подходящий мужчина.

— Мама! В наше время женщинам не нужны подходящие мужчины. Мы сами о себе заботимся.

— Каждой женщине нужен любимый, Сильвия, — печальным голосом ответила мама. — Я все еще тоскую по твоему отчиму.

Внезапно Сильвии стало стыдно. Быть может, ее мать старомодна и витает в облаках, но она искренне любила и родного отца Сильвии и своего второго мужа, отца Алекса. А сама Сильвия, несмотря на постоянную занятость, частенько чувствует себя одинокой.

— Ты давно виделась с Алексом и Молли? — спросила она, желая перевести разговор в более приятное русло.

— О, да, — торопливо ответила мама, — они пригласили меня в «Отель-Плейс» на Рождество.

Несколько часов спустя, укладываясь спать пораньше, Сильвия вспомнила о Рэне. Вряд ли он ложится в постель в одиночестве. Рассердившись, она прикрыла глаза. Какая ей разница, с кем

и как Рэн проводит ночи?

Какая ей разница?

Очень большая, вот только никто в мире об этом даже не догадывается.

Она знала правду еще до того, как Рэн поцеловал ее. Знала, как отреагировало ее тело, органы чувств, все ее существо в тот момент, когда она увидела его снова. Ее детская наивная влюбленность, которую она так упорно пыталась забыть, вопреки обстоятельствам и собственной воле переросла в настоящую, зрелую любовь. Она желала Рэна — быть с ним, любить его, разделить его жизнь, вырастить его детей — желала этого с такой силой, что иногда само это желание казалось ей невыносимым.

Живи одним днем, — вот ее сегодняшний девиз. Вытерпеть эту единственную минуту, этот час, и продолжать, продолжать внушать себе, что вскоре все изменится, что с восстановлением Хавертон-Холла будет покончено, и она сможет уехать от Рэна и привести в порядок свою жизнь. Так говорила Сильвия, но в глубине души сама не верила себе.

— Сначала надо будет заскочить в Дом священника, — предупредила Ллойда Сильвия. — У меня нет с собой ключей от Хавертон-Холла.

— Ничего страшного, — успокоил ее Ллойд. — Кстати, как вы поладили с Рэном?

— Он клиент Траста, — серьезно сказала Сильвия.

— И только поэтому ты в него не влюбилась, — усмехнулся Ллойд.

Сильвии каким-то чудом удалось выдавить ответную улыбку. Ллойд не хотел ее обидеть. Он заботился о ней как о дочери и часто, полушутя, намекал, что пора бы ей наконец влюбиться. Он понятия не имел об их с Рэном отношениях и о ее истинных чувствах.

— Какие красивые здесь места, — заметил он, когда они ехали по Дербиширу.

— А в Хавертоне еще красивее, — поддразнила его Сильвия.

Ллойд тут же переключился на дом и его архитектуру.

У Сильвии екнуло сердце, когда, подъезжая к Дому священника, она заметила «лендровер» Рэна. Рядом стояла еще одна машина, и при виде ее сердце Сильвии екнуло еще сильнее. Похоже, после ее отъезда Рэн и Вики не теряли зря времени, используя опустевший дом как место для свиданий.

Не желая беспокоить Рэна, Сильвия открыла дверь своим ключом, но в прихожей, как назло, столкнулась с Рэном и Вики.

— Привет, — добродушно поздоровался Ллойд, но прежде чем Рэн успел ответить, раздался телефонный звонок.

— Простите, я на минутку, — извинился Рэн и бросился в библиотеку снимать трубку.

— Я даже не ожидала, что мы когда-нибудь встретимся, — игриво начала Вики, улыбаясь Ллоду и не обращая на Сильвию ни малейшего внимания.

— Ллойд, Вики Эдвардс, — автоматически произнесла Сильвия. — Ллойд мой начальник и...

— Так вы тоже работаете в Тресте? — поинтересовалась Вики.

— Он и есть Трест, — ответила Сильвия, раздраженная ее ужимками.

— Ой... как интересно, — воскликнула Вики и взяла Ллойда под руку, повернувшись к Сильвии спиной. — Вы должны мне все рассказать...

Сильвия и глазом моргнуть не успела, как Вики уже напросилась съездить вместе с ними в Хавертон-Холл. Ллойд явно не разделял неприязнь к ней Сильвии и смотрел на Вики масляными глазами.

Когда Рэн наконец присоединился к ним, Вики мурлыкала, как кошка.

— Так вы остановились в «Аннабель». Я слышала, там так шикарно...

— Еще бы, — восторженно отозвался Ллойд. — Мой номер это что-то особенное, правда, Сильвия?

— Да, — бесцветным голосом согласилась Сильвия. Краем глаза она заметила, как Рэн переводит взгляд с Ллойда и Вики на нее и хмурится все сильнее.

Она же не виновата, что его подруга, его любовница, так заинтересовалась Ллойдом... Сильвия и раньше сталкивалась с подобными ситуациями. Ллойд — очень богатый мужчина, и прямо-таки излучает обаяние. Однажды он даже пошутил на эту тему, заявив, что в обязанности Сильвии входит отгонять от него поклонниц. Для своего возраста он прекрасно сохранился и все еще хорош собой. У него густая серебряная шевелюра и веселые, сияющие глаза. Но предпочесть его Рэну... Наверное, этих женщин привлекает банковский счет Ллойда? — злобно подумала Сильвия.

Кончилось тем, что в Хавертон-Холл они оправались вчетвером в «лендровере» Рэна, причем Вики уговорила Ллойда усесться с ней на заднее сиденье.

— У тебя такая неудобная «тачка», Рэн, — заявила она и добавила приторно-сладким голосом, обращаясь к Ллойд, — Я постоянно ему твержу, чтобы он купил себе что-то попримичнее. Сколько я помню Рэна, у него никогда не было нормальной машины. А у вас, в Америке, такие замечательные автомобили... такие роскошные и удобные...

— Как раз для наших просторов, — с улыбкой согласился Ллойд. — Так значит, вы с Рэном старые друзья?

Вики поморщилась.

— Ну, знакомы мы довольно давно... А когда я приехала в Дербишир и случайно обнаружила, что Рэн мой сосед, мы решили восстановить старые отношения.

Как же, случайно, — с иронией подумала Сильвия, раздраженная поведением Вики. И что только Рэн в ней нашел? Должен же он понимать, что она из себя представляет... какое она ничтожество в сравнении с ним!

Когда «лендровер» остановился у Хавертон-Холла, Вики разыграла маленькое представление. Она бурно поблагодарила Ллойда за то, что он помог ей вылезти из машины, и оперлась о его

руку, неуверенно ступая по гравиию.

— Ты бы лучше носила туфли без каблуков, как Сильвия, — заметил Рэн.

— Без каблуков...? Нет, никогда. — Вики вздрогнула. — Я всегда ношу высокие каблуки, — призналась она Ллойд. — По-моему, это намного женственнее. — Вытянув ногу, она продемонстрировала ему стройную, изящную лодыжку.

— Великолепно, — восхитился Ллойд, — но лучше держись за меня.

Мы ведь не хотим, чтобы ты пострадала.

Проходя по дому, Сильвия злилась все сильнее. Стоило ей что-либо сказать, как Вики тут же встревала, стремилась привлечь внимание Ллойда к собственной персоне и при каждой удачной попытке окидывала Сильвию победоносным взглядом. Эта женщина была невыносима. Ведь Сильвия не пыталась соперничать с ней. Она всего лишь делала свою работу. Если любовнице Рэна так уж приспичило охмурить Ллойда, то это ее личное дело. Но лучше бы она занималась этим в другое время и в другом месте.

— Я слышала, «Аннабель» потрясающая гостиница. Мне бы так хотелось увидеть ее... Я собиралась в Лондон на пару дней... Мне надо пройтись по магазинам, а здесь, в Дербишире, ничего не купишь. — Вики брезгливо повела плечами.

— Правда? Так почему бы тебе не поехать со мной? Сильвия собиралась отвезти меня в Манчестерский аэропорт и... — вежливо начал Ллойд.

— Поехать в Лондон и остановиться в «Аннабель» у тебя...? — Вики тут же ухватилась за его предложение. — Ой, как чудесно и как мило с твоей стороны. С удовольствием...

Сильвия, подозревающая, что Ллойд хотел предложить всего лишь совместную поездку, могла только удивляться наглости этой женщины. Сама она никогда бы не посмела вести себя так, как Вики. Но Ллойд, вместо того чтобы возмутиться, расплылся в улыбке.

Сильвия дождалась возвращения в Дом священника и, как только Вики удалилась «почистить перышки», отозвала Ллойда в сторону и шепотом его предупредила:

— Ллойд, Вики — подружка Рэна, и мне не кажется...

— Что касается меня, так я ее не держу. Если ей хочется съездить в Лондон с Ллойдом, пускай едет. — Сильвия закусил губу, услышав ответ Рэна. Он стоял в противоположном конце прихожей, но все же умудрился услышать ее слова.

— Боюсь, мне пора вернуться домой и сложить кое-какие вещички, — извинилась Вики, вновь спустившись на первый этаж. — Не хотелось бы заставлять вас ждать.

Сильвия мрачно смотрела, как она хлопает густо накрашенными ресницами в направлении Ллойда.

— Без проблем, — ответил он. — Нам с Сильвией и Рэном надо кое-что обсудить. У тебя куча времени, дорогуша.

— Надеюсь, в «Аннабель» мне понравится, — благодарно мурлыкнула Вики.

— Очаровательная женщина, — заметил Ллойд после ее ухода.

— Да, она такая, — согласился Рэн.

— Такая же очаровательная, как пиранья, — буркнула сквозь зубы Сильвия и решительно напомнила Ллойд, — Я подготовила сметы на несколько видов работ, если тебя это интересует. Я уже отправила в Нью-Йорк копии по факсу, но...

— Сильвия, ты такая умница, — добродушно улыбнулся Ллойд. — Я постоянно твержу ей, Рэн, чтобы она больше отдыхала... развлекалась... Когда ты в последний раз ходила по магазинам? — спросил он, прежде чем она успела слово вымолвить.

— В Италии, — ответила Сильвия.

— Да, знаю. Помнишь, я ведь был там...? Я отвел ее к Армани, — пояснил он Рэну. — И знаешь, что она сделала? Заявила, что все эти тряпки слишком дорогие. Ну что ты будешь делать с такой женщиной?

— Они и были слишком дорогими, — возразила Сильвия. И хотя Ллойд с удовольствием сделал бы ей подарок, она не могла воспользоваться его великодушием. Но все равно ей было больно узнать, что он сравнивает ее с Вики Эдвардс и наверняка находит менее женственной. Ясно, о чем думают они оба: что она не такая привлекательная, как остальные женщины. Ну и пусть думают, что хотят, — сердито решила Сильвия. Она здесь, чтобы работать, а не кокетничать и махать ресницами.

— Замечательная девушка, — услышала Сильвия голос Ллойда. — Вот только работает слишком много и слишком серьезно относится к жизни.

Высадив Ллойда и Вики у аэропорта, Сильвия, вместо того, чтобы сразу вернуться в Дербишир, направилась в Манчестер и остановила джип у бутика Армани.

Хорошенькая брюнетка, похожая на итальянку, принесла ей брючный костюм, выставленный в витрине.

Костюм был слишком дорогим для нее. Но все же... Вертясь перед зеркалом, изучая свое отражение, Сильвия призналась себе, что не может удержаться. Точно так же она не устояла перед блузкой в тон.

Так значит, она скучная, занудная и неженственная? Что ж, хотя она и не носит десятисантиметровые каблуки, и не умеет махать ресницами, но она все же женщина...

Девятая глава

— Тебя долго не было. Что случилось?

Сильвия смущенно обернулась, выронив пакет с покупками. Она вернулась в Дом священника несколько минут назад и намеревалась сразу юркнуть в свою комнату, но Рэн перехватил ее на верхней площадке лестницы.

— Ты ходила по магазинам, — с недоверием заключил он при виде упавшей сумки и вывалившегося на ковер содержимого.

— И что из этого? — огрызнулась Сильвия, наклоняясь, чтобы собрать с пола вещи. Но опередивший ее Рэн уже поднял мягкий, дорогой костюм, и, к ее ужасу, развернул его. Он

долго рассматривал ее приобретение, прежде чем перевести взгляд на пылающее лицо Сильвии.

— Новый наряд. Интересно узнать, что сподвигло тебя на это?

— То, как я распоряжаюсь своими деньгами и своим временем, тебя не касается, — отрезала Сильвия.

Но он пропустил ее ответ мимо ушей.

— Чего ты хочешь, Сильвия? Сравниться с Вики? Не выйдет. У тебя нет таких... достоинств.

Злясь на него и на себя тоже, потому что насмешливое замечание Рэна сильно ее задело, Сильвия разразилась вспышкой гнева.

— Если под «отсутствием достоинств» ты понимаешь то, что я не пользуюсь своей женственностью, своей сексуальностью или... прочими дешевыми уловками, чтобы охмурять мужчин, то я рада, что у меня этого нет.

— Правда? Тогда зачем ты это купила? — вкрадчиво поинтересовался Рэн, указывая на брючный костюм.

— В голову стукнуло, — торопливо ответила Сильвия. Даже слишком торопливо, если судить по циничному взгляду Рэна. — В любом случае, — оправдываясь, добавила она, — это не тот наряд, который женщины покупают, чтобы... привлечь мужчин.

— Разве? — Рэн ехидно усмехнулся. — Слушай, Сильвия, мы же оба не дураки. Есть нечто очень соблазнительное в женщинах, которые носят брючные костюмы, нечто сексуальное и притягательное — гораздо более притягательное, чем узкие платья и обнаженные тела. Ты купила этот наряд, потому что приревновала к Вики. Потому что ты...

— Я... приревновала... к ней? — возмутилась Сильвия, выхватывая из рук Рэна костюм и запихивая обратно в сумку. — Никогда. Почему я должна ревновать? — угрожающим тоном продолжила она. — Из того, что много лет назад у меня хватило глупости... увлечься тобой, еще не следует, что я должна ревновать к твоей любовнице. На самом деле...

— Моей любовнице? — перебил ее Рэн. — Я хотел сказать, что ты ревнуешь, потому что боишься, как бы Вики не увела у тебя Ллойда. Он твой любовник и...?

— Мой любовник...? Ллойд? — Сильвия ошеломленно уставилась на Рэна.

Внезапно Сильвия поняла, что больше не вынесет этого. Не может быть, чтобы Рэн действительно считал Ллойда ее любовником; он просто играет с ней в очередную непонятную и жестокую игру. Так пусть остается играть в одиночестве. Схватив покупки, она пулей пронеслась мимо Рэна, вбежала в свою спальню и захлопнула за собой дверь. Ее сердце бешено стучало от боли и обиды.

Зажмурившись и прислонившись к закрытой двери, она почувствовала, что ее глаза наполняются жгучими слезами.

Что сейчас делает Рэн — посмеивается над ее ревностью, ее болью, ее любовью к нему, или ему вовсе нет дела до ее чувств? Может, он решил, что она ревнует, из-за его собственной ревности к Ллойдду?

Работа, на которую Сильвия возлагала столько надежд, дарившая ей чувство уверенности и помогавшая преодолеть мучительную первую любовь, превратилась в источник угрозы. Разве можно сосредоточиться на своих обязанностях, когда постоянно приходится сталкиваться с Рэном?

Нет. Это невозможно, — решила Сильвия полчаса спустя, сидя за столом и пытаясь сосредоточиться на своем рабочем расписании. Как ни стремилась она наладить нормальное сотрудничество с Рэном, его присутствие выводило ее из себя. Ситуация становилась все хуже и хуже, а сама она все больше запутывалась в своей безнадежной любви. Наилучший выход, единственный выход, который у нее остался, — это поехать к Ллойд и попросить, чтобы он перепоручил эту работу другому сотруднику.

Сильвии непросто далось это решение. Она гордилась своим профессионализмом, и ей пришлось бы посвятить Ллойда в свои отношения с Рэном. Ллойд, конечно, с уважением отнесется к ее чувствам, но все же...

Если же она останется, то рано или поздно совершит ошибку, которая перечеркнет все ее успехи. Этот проект требует от нее полной концентрации и внимания, а разве это возможно, когда все ее мысли вертятся вокруг Рэна, а ее чувства к нему затмевают голос рассудка?

Это будет тяжело. Сильвия боялась подвести Ллойда; если честно, передавая работу над этим проектом кому-либо другому, она прежде всего подводила себя. Но если она останется, последствия могут оказаться гораздо более драматичными.

Злоба и презрение, проявленные Рэном сегодня вечером, лишний раз подтверждают, что у него не найдется к ней ни малейшего сочувствия. Нет, другого выхода быть не может.

Сильвия укладывалась в постель с тяжелым сердцем. Будут, конечно, и другие дома, другие проекты, но как же больно знать о том, что кому-то другому суждено восстановить фамильное поместье Рэна, и другая женщина разделит с Рэном его жизнь в любви и согласии.

Рэн не знал, что именно заставило его проснуться — выработанная привычка реагировать на любой незнакомый звук или обостренное восприятие, не отключающееся даже во сне.

Проснувшись, он лежал, вслушиваясь в темноту. На светящемся циферблате часов была половина второго. Люси, старая охотничья собака, спящая на первом этаже, залаяла бы, если бы кто-то попытался проникнуть в дом.

Из открытого окна доносилось уханье филина. Никакие посторонние шумы не нарушали привычную тишину сельской ночи.

Рэн уже начал успокаиваться, когда вдруг снова услышал этот звук — скрипнувшую на втором этаже дверь. Он мгновенно выскочил из постели, набросил халат (спал он голышом) и бесшумно вышел из спальни.

Он сразу увидел ее — бесплотный белый силуэт, плывущий по коридору. Но, несмотря на кажущуюся эфемерность, Сильвия не была привидением. Рэн с первого взгляда понял, что она ходит во сне; все признаки свидетельствовали об этом. Неужели так трудно осторожно обнять ее, заставить повернуться и отвести обратно в ее спальню?

После того первого, пугающего случая, когда Сильвия бродила по «Отель-Плейс», не понимая, что делает, Рэн уяснил, что лучше всего осторожно отвести ее обратно в кровать, по

возможности не разбудив. Но на этот раз, прикоснувшись к ней, Рэн почувствовал ее дрожь. Она повернулась к нему лицом, ее тело напряглось. Шепотом чертыхаясь, он взглянул на распахнутую дверь своей спальни. Может, отвести ее сюда... Старый семейный врач советовал дать ей проснуться самой, а не будить прямо во время приступа. Рэн знал, что приступ лунатизма мог быть спровоцирован сильным переживанием или душевной травмой, и догадываясь о причине сегодняшней «травмы», обругал и Вики, и Ллойда.

Разве этот мужчина не понимает, как ему повезло? Рэн бы все отдал, чтобы поменяться с ним местами.

Сильвия стояла, как вкопанная, дрожа всем телом и глядя на Рэна бессмысленными, широко раскрытыми глазами. Боясь разбудить, Рэн осторожно подтолкнул ее к двери своей спальни, уговаривая ее мягко и нежно, словно маленькую девочку.

— Все хорошо, Сильвия. Все хорошо... Иди же...

Наконец она сдвинулась с места, слегка покачнувшись в его сторону. Если ему удастся уложить ее в постель, не разбудив, он немного посидит рядом, а потом устроится на ночлег в одной из соседних комнат. Утром... Рэн нахмурился. Сейчас уже поздно сожалеть о своей вчерашней резкости, но при виде ее нового костюма Рэн испытал такой жгучий прилив ревности, что не смог сдержаться.

Он бережно подвел Сильвию к кровати. Ее легкая ночнушка была белоснежной, из тонкого хлопка. Сильвия казалась в ней девочкой... юной... невинной...

Рэн зажмурился. Незачем снова думать об этом, снова вспоминать. Стараясь подавить предательские мысли, воспоминания и чувства, бурлящие в душе, он поднял Сильвию на руки, намереваясь уложить в постель, но в этот момент из леса донесся визгливый лай лисы. Резкий звук пронзил неподвижный ночной воздух, заставив Рэна вздрогнуть, а Сильвию — проснуться.

— Рэн... что...?

Она с тревогой обвела взглядом залитую лунным светом спальню.

— Ты ходила во сне. — Рэн попытался ее успокоить. — Я слышал шум... и нашел тебя в коридоре...

Ходила во сне. Сильвия уставилась на Рэна безумными глазами.

Прошло уже много лет с тех пор, как она ходила во сне в последний раз, но Сильвия ни на секунду не сомневалась в том, что Рэн говорит правду. Ведь ему незачем было похищать ее из собственной постели и нести сюда на руках... правда? Если бы он только захотел... Она вздрогнула.

Обычно она ходила во сне только после сильных переживаний... сильного горя...

— Все хорошо, Сильвия, — мягко сказал Рэн. Он все еще держал ее в объятиях. Сильвия чувствовала тепло его рук, чувствовала его тело сквозь халат и собственную хлопчатобумажную ночнушку. Она смущенно взглянула на него, ее глаза казались огромными и круглыми на побледневшем лице.

От прозвучавшего за окном вопля павлина, взбудораженного брачными призывами лисиц, Сильвию снова бросило в дрожь.

— Все хорошо, Сильвия, — успокаивающе повторил Рэн. — Это всего лишь павлин.

Естественно, она знала — не в первый раз слышала этот звук, но чувствовала себя слишком слабой, чтобы спорить с Рэном.

Его спальня располагалась в противоположной части дома и была обставлена по-другому. Тяжелая мебель эпохи короля Георга казалась внушительной и старомодной. Эта комната подходит Рэну, — отвлеченно подумала Сильвия, — здесь все так солидно и по-мужски. При этой мысли ее охватило желание. Не удержавшись, она повернулась и протянула к Рэну свои руки.

Позже Сильвия и сама не смогла бы ответить, хотела ли она действительно дотронуться до него, или этот жест был всего лишь выражением страсти. Но когда Рэн склонил голову, пальцы Сильвии коснулись его губ. Сильвия отвела взгляд и вдруг, к своему удивлению, обнаружила, что Рэн взял ее за руку и решительно принялся целовать каждый ее пальчик по очереди.

Сильвия смотрела на него широко раскрытыми глазами, затаив дыхание.

— Рэн, — начала она, но, не договорив, шагнула к нему, стремясь ощутить тепло его тела.

В кольце его рук она чувствовала себя, как в Раю. Ничто не могло сравниться с его поцелуем, неторопливым, нежным, чувственным поцелуем... поцелуем любовника. Сильвия прижалась к Рэну еще ближе, обхватила его руками, прильнула губами, всем телом, дрожа от наплыва эмоций.

Ее глаза наполнились слезами, слезы потекли по лицу.

— Сильвия. Не плачь... пожалуйста, не плачь. Ни один мужчина не стоит твоих слез...

— Мне так больно, — призналась Сильвия, не в силах больше скрывать свои чувства. События этой ночи смыли все барьеры, которыми она пыталась отгородиться от своей любви. — Ненавижу, — прошептала она. — Ненавижу эту любовь, такую сильную и такую... такую... безответную... Это так унижительно и так больно.

Рэн застонал, словно что-то в ее искреннем признании тронуло его до глубины души, а затем обнял ее и хрипло произнес:

— Ты не должна страдать, Сильвия. Пожалуйста, не надо...

Потом, неожиданно, он поцеловал ее, не с нежностью, как раньше, а с пламенной страстью, так, что у Сильвии захватило дыхание. Ее тело таяло от желания. Она чувствовала яростное биение его сердца и его возрастающее возбуждение.

Он всегда был сильным мужчиной, — напомнила себе Сильвия. Быть может, он не любит ее, быть может, она не та женщина, которую он хочет, но когда она оказывается в его объятиях, так мало нужно, чтобы лишить его самообладания.

Внезапно в самых потаенных глубинах ее души возникла неожиданная, пугающая мысль. Пускай Сильвия не властна над его любовью, но эта ночь навсегда подарит ей воспоминания и, быть может, нечто большее. В наши дни одинокие женщины уже не стыдятся дать жизнь ребенку... Ребенку Рэна... И вот Сильвия уже отвечает на страсть Рэна, зовет его, возбуждает, ее руки скользят под его халат, гладят его плечи, его грудь.

Когда павлин закричал еще раз, никто этого не заметил.

Ей хочется утешиться, — убеждал себя Рэн, чувствуя, как дрожат ее губы. — Она не любит меня...

Но было слишком поздно. Он хотел ее, любил ее и уже не мог остановиться.

Рэн целовал ее лицо, шею, плечи, снял с нее белоснежную ночнушку, не сумев сдержать стон вожделения при виде ее окутанной лунным светом фигуры.

Под пристальным взглядом Рэна Сильвия поняла, что не сможет сопротивляться. Он хотел ее; она видела это в его глазах, чувствовала по дрожи в его пальцах, скользивших по ее телу. Даже с закрытыми глазами она ощущала всю силу его желания.

Сильвия потянулась к глубокому вырезу его халата. Взявшись за узел пояса, она взглянула на Рэна сияющими любовью глазами и хрипло скомандовала:

— Снимай.

Рэн молча подчинился. Халат скользнул на пол.

В прошлый раз, в тот единственный раз, Сильвия была слишком захвачена происходящим, слишком поглощена своими чувствами и желаниями, чтобы замечать что-либо. Но теперь...

Словно гурман, изучающий накрытый для банкета стол, она исследовала каждый сантиметр его тела, любуясь им. Он был великолепен... само совершенство... Рэн. Ее любовь, ее жизнь, отец ее ребенка, их ребенка... Ее бросило в дрожь.

— Рэн.

Сильвия произнесла его имя настойчиво, почти резко. Она шагнула к нему, но Рэн остановил ее, схватив за руки и не давая подойти ближе. Она видела пылкую страсть в его глазах, и ее охватило ответное вожделение.

Было что-то опасное и чувственное в том, как она стояла перед ним, обнаженная и беспомощная, и это возбуждало ее настолько... что она ощутила омывающую тело волну желания, которому невозможно было противиться.

В ее глазах отразилась вся страсть, все чувства, подчинившие себе ее тело. Нахлынувшая на нее волна эмоций была вызвана не только физическим влечением или внезапным порывом. Сильвия слышала голос судьбы, как будто все предшествующие события неудержимо влекли ее именно к этому моменту. Быть может, Рэн не разделяет ее любовь, но он здесь, с ней; она видела в его глазах понимание и, вопреки рассудку, знала, что происходящее между ними свято, что ребенок, которого она так отчаянно хотела зачать, будет удивительным и любимым, очень, очень любимым.

— Ты прекрасна, ты знаешь это? — услышала она голос Рэна. Все еще сжимая ее запястья, он начал целовать ее лицо, ее ресницы, губы, почти с благоговением. Затем он склонился к ее шее... ее груди... выпустил ее руки и заключил в объятия. Его рука скользнула по волосам Сильвии, а его поцелуй был таким страстным и чувственным, что Сильвии показалось, будто она растворяется в нем, становясь его частью.

Неизвестно, как долго они простояли так, как долго целовались. Сильвия знала только, что

когда их губы разомкнулись, комната наполнилась звуками их дыхания. Казалось, кислорода в воздухе стало там мало, что у Сильвии закружилась голова.

Рэн не торопился, словно не замечая ее желания, безмолвного призыва ее тела. Он нежно поднял ее на руки и уложил на кровать.

— Все хорошо, — тихо бормотал он. — Все будет хорошо. — И он взял в ладони ее ступню и начал медленно массировать, пока по ее жилам не разлился жидкий огонь. Прикосновение его губ к кончикам пальцев удивило Сильвию, но когда она попробовала выдернуть ногу, Рэн остановил ее. Язык Рэна скользил по ее коже, ласкал ее ступни, ее изящные лодыжки, чувствительные участки под коленями и нежные, трепещущие бедра. Неторопливые, томительные касания его губ наполнили Сильвию таким сильным возбуждением, что все ее тело покрылось испариной.

И только когда ее бедра содрогнулись, отзываясь на ласки Рэна, только тогда Сильвия поняла, что странные звуки, которые она слышала, были звуками ее собственного прерывистого дыхания.

— Рэн...

Сильвия произнесла его имя, вкладывая в него всю свою долго скрываемую страсть, но хотя Рэн слышал ее призыв, отреагировал он не так, как она ожидала. Его пальцы начали поглаживать ложбинку между ее бедер, а затем он склонился над ней, вдыхая ее запах, вновь и вновь бормоча ее имя, лаская ее естество губами и языком.

Сила собственного возбуждения ошеломила Сильвию. Стук крови в висках превратился в оглушительную канонаду, лихорадочное напряжение нарастало и нарастало внутри и наконец взорвалось последовательными вспышками удовольствия. Но ее удовлетворение было не полным. Внутреннее чутье заставило Сильвию прижаться к Рэну, привлечь его к себе, целовать его грудь, его шею, подбородок и, наконец, его губы.

Она страстно его обняла, обхватила руками и ногами, чувствуя, что он не сможет сопротивляться этому... сопротивляться ей...

Ощущение, которое она испытала, когда Рэн вошел в нее, оказалось гораздо сильнее, чем в первый раз, как если сравнивать поблекшую фотографию с яркими цветами реальности. Сильвия вскрикивала от удовольствия, ее глаза увлажнились, когда она шептала Рэну о своей любви и о своем желании.

Откуда-то она знала, что разделяемые ими ощущения — есть нечто большее, чем обычный секс, что каждое совместное движение их тел приближает их к бессмертию.

И когда Сильвия была готова принять его семя, она крепче обняла Рэна, взглянула на него широко распахнутыми глазами и взмолилась:

— Сейчас, Рэн, сделай это сейчас...

На этот раз ее оргазм был гораздо сильнее и ярче; это было не просто удовольствие — Рэн передал ей дар, бесценный дар жизни.

Лежа рядом с Сильвией, Рэн не выпускал ее из объятий, гладил ее волосы, нежно касался губами ее лба, а она вдыхала жаркий запах его разгоряченной кожи.

— Это было так давно, — произнес Рэн заплетающимся языком.

— Да, — тихо согласилась Сильвия. Теперь ей уже не нужно было лгать или притворяться. Пускай на миг, но между ними исчезли все преграды. Как ни странно, она даже гордилась этой правдой, гордилась своей любовью и тем, что никогда не была близка с другим мужчиной.

— Я не... Секс ради секса не для меня...

Последовало недолгое молчание. Сильвия подняла голову и неуверенно взглянула на Рэна. О чем он думает? Неужели ему хочется, чтобы она была менее честной и открытой, чтобы притворилась, будто случившееся между ними не имеет значения? Но когда она взглянула в его глаза, то ничего не сумела в них прочесть. Все, что она видела, это его усталую улыбку.

— Я хотел сказать, что для меня прошло слишком много времени, Сильвия... что я не мог... не хотел... Я пытался объяснить... оправдаться за то... что потерял голову.

— Мне было хорошо с тобой, — честно призналась Сильвия и добавила, — Но ты... но я...

— Тоже теряешь голову в подобных ситуациях...? — печальным голосом предположил Рэн. — Ты очень добрая, Сильвия, и... — Внезапно его тело напряглось, и при виде выражения его глаз Сильвию вновь охватило возбуждение. — И боюсь, сейчас ты еще раз убедишься, как сильно у меня съезжает крыша. — Со слабым стоном он взял ее за руку и приложил ее ладонь к своему телу. — Смотри.

С замиранием сердца Сильвия почувствовала, как восстает его плоть под ее пальцами.

— Боже, Сильвия, Сильвия, — воскликнул Рэн, и их тела вновь слились в единое целое.

Был уже ясный день, когда Сильвия наконец проснулась. Открыв глаза, она залилась краской при виде смотрящего на нее Рэна.

— Ты давно не спишь? — спросила она, нервно вцепившись в простыню. Ее румянец стал еще гуще, когда она вспомнила события прошлой ночи.

— Давно. Мне уже твой храп начал надоедать, — непочтительно ответил Рэн.

— Храп? Я никогда не храплю, — возмутилась Сильвия, в гнев отбрасывая одеяло.

— Нет? Значит, ты сопела... — поддразнил ее Рэн.

— Я не соплю! Никогда в жизни, — продолжала спорить Сильвия.

— Да, да, конечно, — согласился Рэн. Веселье в его глазах сменилось напряженностью, когда он склонился к Сильвии и прошептал ей на ухо, коснувшись пальцами соска:

— Когда я трогаю тебя здесь, ты издаешь такой тихий горловой звук, и...

— Нет. Нет, не хочу даже слушать, — воскликнула Сильвия.

Прошлой ночью они с Рэном занимались любовью... прошлой ночью она нарушила все правила, все законы здравого смысла, которые сама же клялась соблюдать, и...

Прошлой ночью, охваченная любовью и желанием, она мечтала зачать ребенка. Сильвию

бросило в дрожь. Рассудок подсказывал ей, что еще рано делать выводы, но откуда-то она знала, чувствовала, что носит под сердцем ребенка Рэна.

Ее глаза заволокло слезами, слезами любви к ребенку, который станет для нее смыслом жизни и никогда не узнает своего отца. Сильвия уже решила, что этот ребенок будет принадлежать только ей одной, Рэн никогда не узнает о его существовании.

— Ты плачешь. — Ей почудился упрек в голосе Рэна, и она торопливо смахнула слезу. — Прости за прошлую ночь, — буркнул Рэн. — Я понимаю... Трудно любить мужчину, который...

— Не любит меня в ответ, — всхлипывая, подсказала Сильвия. Раньше она считала невыносимыми его злость и презрение, но терпеть его жалость еще тяжелее. — Да, — согласилась она. — Но я уже женщина, Рэн, а не ребенок. И если я предпочитаю любить не того человека, то это мой выбор и мое право. Прошлой ночью я хотела только твоего сочувствия, — резко добавила она, вскинув голову.

— Прошлая ночь не должна была случиться, — тихо сказал Рэн, — но я...

— Не сдержался, — беспечным тоном подытожила Сильвия. — Да, ты уже говорил это. Видимо нам обоим следует... забыть...

Говоря, Сильвия отводила глаза. Она прекрасно понимала, что лжет, что у нее есть очень веская причина не забывать, но не могла поделиться этим с Рэном.

— Я... вернусь в свою комнату, чтобы одеться до прихода миссис Эллиот, — с достоинством произнесла Сильвия, и добавила, — Я хочу, чтобы ты отвернулся, Рэн, когда я буду вылезать из кровати...

Рэн взглянул на нее так, что она покраснела.

— Да, я знаю, ты уже это видел... Но это было прошлой ночью, — отрезала Сильвия. — То было тогда... а это сейчас; все изменилось...

— Да, наверное, — нехотя согласился Рэн и, к ее облегчению, отвернулся. Сильвия слезла с кровати, натянула ночнушку и, не оглядываясь, распахнула дверь спальни. Потому что, если бы она оглянулась...

Прошлая ночь была самой удивительной, самой чудесной в ее жизни, но она закончилась. Вскоре, с согласия Ллойда, Сильвия покинет Хавертон-Холл, и никто кроме нее не узнает, что, уезжая от Рэна, она увезет с собой его маленькую и очень дорогую частичку.

Десятая глава

— Простите за беспокойство, но Рэн сказал, что вы хотели кофе.

Выдавив благодарную улыбку, Сильвия взяла поднос из рук домработницы.

Она проработала в библиотеке все утро, мучительно продираясь сквозь счета и сметы. Но даже теперь, не позавтракав и зная, что пора бы уже проголодаться, единственным голодом, который чувствовала Сильвия, был голод по любви Рэна. А он ясно дал ей понять, что на его любовь можно не рассчитывать.

Полчаса спустя Сильвия спускалась по лестнице, намереваясь отправиться в Хавертон-Холл,

как вдруг ее мобильник зазвонил. К удивлению Сильвии, она услышала в трубке голос Ллойда.

— Ллойд, я не ожидала, что ты сегодня позвонишь. Думала, ты будешь... занят.

— Что ж, я тоже так думал, — несчастным голосом отозвался Ллойд. — Как говорится, седина в бороду, бес в ребро. Но все равно, это было забавно и стоило потраченных денег.

По его тону Сильвия сразу поняла, что Ллойд очень быстро разочаровался в Вики.

— Я буду скучать по тебе, детка, когда уеду в Нью-Йорк, — признался он со свойственной ему теплотой.

— Я тоже буду скучать по тебе, — искренне ответила Сильвия. — Ллойд, мне надо с тобой поговорить, — шепотом добавила она. — Это... это... Я не могу здесь оставаться... Я... Я хочу вернуться в Нью-Йорк...

Прикусив нижнюю губу, Сильвия изо всех сил старалась сохранить самообладание. Ллойд очень удивится. Она не хотела вот так его ошарашить. Сильвия намеревалась подождать, подобрать нужные аргументы и только тогда поговорить с ним спокойно и сдержанно. А в результате она обрушила на него все свои чувства, поддавшись жгучему желанию избавиться от боли, причиняемой Рэном.

— Слушай, детка, похоже, ты расстроена. Что случилось? — с тревогой спросил Ллойд.

— Я не могу обсуждать это по телефону. Мне нужно увидеться с тобой... Ой, Ллойд, мне так жаль... — Сильвия сглотнула, почувствовав, что вот-вот разрыдается.

— Не надо, — мягко сказал Ллойд и добавил, — Я приеду, как только смогу, и мы все обсудим.

— Ой, Ллойд, — всхлипнула Сильвия.

Вполне в духе Ллойда бросить все дела и помчаться на помощь, — размышляла Сильвия, отключив телефон. Она знала, что Ллойд ее поймет, но все равно чувствовала себя виноватой.

Дверь кабинета была открыта, и Рэн выглянул в коридор именно в тот момент, когда Сильвия проходила мимо. Судя по взгляду, брошенному на мобильник в ее руке, он слышал ее разговор с Ллойдом.

— Ллойд возвращается, — хриплым голосом сказала Сильвия.

— Да, я понял, — равнодушно ответил Рэн, но Сильвии почудился в его голосе легкий оттенок раздражения. Она не решалась взглянуть на него. Нежные объятия Рэна прошлой ночью казались ей плодом воспаленного воображения; все ушло.

— Я... должна съездить в Хавертон, — дрожащим голосом сообщила Сильвия.

Рэн проводил ее взглядом. Ее страдания разрывали ему сердце. Прошлой ночью Сильвия обратилась к нему за сочувствием, за простым человеческим сочувствием. Она любила другого мужчину, мужчину, который променял ее на первую встречную.

Понимает ли Ллойд, что он натворил, или он искренне верит, что богатство дает ему право плевать на чувства близких ему людей? Неужели он считает пустяком ту боль, которую причинил Сильвии?

Вчера он бросил ее ради другой, а сегодня, видите ли, возвращается.

«Мне нужно увидеться с тобой», — услышал Рэн ее сбивчивый шепот и закрыл глаза при звуках предательски дрогнувшего голоса. Он все знал об этом неудержимом желании, знал задолго до того, как заключил Сильвию в свои объятия, сгорая от ярости и страсти, нарушив все обещания, которые давал себе, и обнаружил, со смесью боли, радости и стыда, что оказался ее первым любовником.

«Уэйн давно меня уговаривал найти кого-нибудь, чтобы стать женщиной», — насмешливо заявила она, и ушла от него к Уэйну, бросив ради него все — свою семью, учебу и даже, как иногда казалось Рэну, свои жизненные принципы.

Но затем она все же передумала и упросила Алекса помочь ей вернуться к нормальной жизни.

Рэн провожал ее в аэропорт вместе с Алексом и его молодой женой — внезапное решение, слабость, которую он не мог себе простить.

Кончилось тем, что он вернулся домой и напился — не самое приятное воспоминание, но в то время это был единственный способ заглушить боль.

Даже с Алексом, своим лучшим другом, он не мог поделиться своими чувствами, своей любовью к ней. Алекс, все-таки, был ее сводным братом.

Рэн надеялся смириться с мыслью, что Сильвия проведет свою жизнь с другим человеком. Но одно дело — знать, что она любит Ллойда, а другое — быть свидетелем этой любви, вытирать ее слезы, выслушивать, как она упрашивает Ллойда вернуться. К такому повороту событий Рэн не был готов.

А теперь Ллойд возвращается к ней. Расскажет ли она ему о прошлой ночи, об их близости? Вроде бы она имеет полное право промолчать, но...

Прошлой ночью, обнимая ее, лаская, любя, Рэн почувствовал отклик ее тела, выражающий не просто страсть, а внутреннее, глубинное желание, истоки которого лежат далеко за пределами обычного физического удовлетворения...

Рэн открыл глаза и подошел к окну кабинета, выходящему в сад. Его далекие предки насадили эти деревья, жили в этом доме. Его титул, его земля, огромное здание, слишком просторное и дорогое для одной семьи — все это уйдет в прошлое вместе с ним.

Когда-то много лет назад Рэн, как последний из рода, считал своей обязанностью зачать ребенка, сына, наследника. Но этой мечте не суждено осуществиться. Он никогда не женится на другой женщине, продолжая любить Сильвию, а значит, законного наследника быть у него не может. Единственным его ребенком останется тот, которого они с Сильвией зачали прошлой ночью. Их ребенок. Но Рэн не вправе требовать от Сильвии, чтобы она признала его отцом. Нет, раз уж она его не любит. Дважды она обращалась к нему за утешением, хотя на самом деле любила другого мужчину. Третьего раза не будет.

Ллойд, скорее всего, появится к вечеру, а Рэн не желал становиться свидетелем его воссоединения с Сильвией.

Он вернулся к столу и снял телефонную трубку.

В уютной гостиной, которую Молли обставила по своему вкусу, Алекс с радостью подхватил на руки своего сынишку и нежно взглянул на жену. Молли носила их второго ребенка и страдала от утренней тошноты.

— Рэн только что звонил, — сказал Алекс.

— Гм... Как у него дела... и у Сильвии...?

— Собирается приехать на пару дней. Похоже, он хочет подкинуть мне пару идей, насчет того, как сделать поместье более прибыльным.

— Думаешь, они с Сильвией помирятся? — с тревогой поинтересовалась Молли.

Алекс изогнул бровь.

— Откуда мне знать? Это ведь ты считаешь, что они безумно любят друг друга.

— Я не считаю, я знаю, — поправила его Молли. — Но эти двое так... так упрямо скрывают друг от друга свои чувства.

— А тебе никогда не казалось, что ты можешь ошибаться? — мягко спросил Алекс.

— Нет, потому что я как всегда права. Ты брат Сильвии, Алекс, и лучший друг Рэна; ты просто обязан помочь им.

— Ой, нет! Только не это... — воскликнул Алекс, качая головой и притворяясь испуганным. — Они оба взрослые люди.

— Может быть. Но ведут себя хуже детей. Мы должны что-то сделать, Алекс. Ты сам видел, как Сильвия страдала по Рэну, когда мы ездили к ней в Нью-Йорк... Мне было жалко на нее смотреть, когда она наконец осмелилась спросить о нем. И Рэну так же плохо.

— Слушай, они же в Хавертоне... совсем одни. Если там уж не смогут разобраться в своих делах...

— А вдруг им не требуется одиночество; вдруг им нужен кто-то, с кем можно было бы поговорить... — многозначительно произнесла Молли с умоляющей улыбкой.

— Нет, — твердо возразил Алекс, но Молли отступить не собиралась. Так или иначе, что-то делать нужно, и если Алекс ничего не собирается предпринимать, придется ей...

Она погрузилась в размышления.

Вечером, когда Сильвия вернулась из Хавертон-Холла, миссис Эллиот сообщила ей, что Рэн уехал на несколько дней.

— Он не говорил, куда направляется или когда вернется? — сухо поинтересовалась Сильвия.

Пожилая женщина покачала головой.

— Он сказал, что позвонит.

Действительно ли Рэн уехал по делам, или причина во мне? — с болью размышляла Сильвия.

Он был добр с ней, когда говорил о ее мучительной неразделенной любви, добрее, чем когда бы то ни было; но это не перечеркивает того факта, что он ее не любит и ее присутствие в его доме может быть ему неприятно. Что ж она не собирается и дальше доставлять ему неприятности. Теперь ее решение отказаться от проекта восстановления Хавертон-Холла было крепко, как никогда раньше.

Ллойд позвонил, когда она разбирала папки с документами, и предупредил, что задерживается и будет в Дербишире поздним вечером.

Рэн перед отъездом велел домработнице приготовить комнату для Ллойда — рядом со спальней Сильвии.

Мобильник Сильвии зазвонил снова, и она ответила, ожидая услышать в трубке голос Ллойда. Но это оказалась ее невестка.

— Молли, как ты? — поинтересовалась Сильвия, обрадовавшись звонку.

— Тошнит, — ответила Молли, но по ее счастливому голосу было видно, как она радуется своей второй беременности. — Подожди, пока до тебя очередь дойдет. Это тебе не шуточки. У нас вчера была форель на ужин, а я и кусочка съесть не смогла...

Сильвия крепче стиснула трубку. Как воспримут Молли и Алекс сообщение о ее беременности? Им захочется узнать, кто же отец ребенка, хотя они оба, конечно, современные люди и с уважением отнесутся к ее решению сохранить в тайне имя отца и растить ребенка в одиночку.

— Как там дела идут? — спросила Молли. — Как вы ладите с Рэном?

Минута напряженной тишины, следовавшая за этим вопросом, показалась Молли очень многозначительной.

— Мы не ладим, — кратко ответила Сильвия. — И вообще... — Она умолкла, но затем решила, что глупо скрывать свое решение от Молли, которая, несмотря на разделяющее их расстояние, оставалась ее лучшей подругой. — Я... я хочу попросить Ллойда, чтобы он отстранил меня от этого проекта, Молли. Я не могу... это не... Дело не только в работе... Рэн и я... — Она снова замолчала.

— Ты все еще любишь его? — мягко спросила Молли.

Несколько секунд Сильвия была уверена, что не сможет ответить, но затем, почти против воли, решилась.

— Да. Да, я люблю его, — призналась она. — Больше, чем раньше. Он... это то, что мне нужно, Молли. Единственный мужчина, которого я любила, единственный мужчина, которого я буду любить... Разве не странно, что в наши дни, — продолжила Сильвия со злым отчаянием в голосе, — единственным мужчиной, с которым я была близка, единственным мужчиной, который прикасался ко мне... занимался со мной любовью... был Рэн? И оба раза... Он не любит меня, Молли. Я это знаю. Никогда не любил. В тот первый раз он разозлился и... Мы оба разозлились и... так получилось... Но в этот раз все было... так нежно... так правильно. Но на самом деле он просто меня утешал... Он...

— Это он сам тебе сказал? — перебила ее Молли.

— Не совсем. Он говорил о том, как больно любить человека, который не любит тебя в ответ,

и... о том, что не надо стыдиться этой любви и этого желания. Я не могу остаться здесь, — внезапно выпалила Сильвия. — Я боюсь того, что может произойти, что я сама могу сказать... или сделать... Рэн был таким добрым, таким... мягким и нежным... Я хочу сохранить это воспоминание...

— Но должен же он что-то чувствовать к тебе, раз уж...

— Раз уж затащил меня в постель? Он хотел меня, да, но... Ллойд был здесь и увез с собой в Лондон подружку Рэна. Я, конечно, не думаю, что у них были серьезные отношения, но Рэн мужчина и...

— Он затащил тебя в постель, потому что хотел секса. Ты это имеешь в виду?

— Ну, скорее всего, да, — согласилась Сильвия.

— Но он должен что-то чувствовать к тебе, чтобы разговаривать с тобой так, как ты рассказала. Если бы он и в самом деле был к тебе равнодушен, то никогда бы не пошел на откровенность.

— Да... Нет... Ой, даже не знаю. Просто... Просто я боюсь, что если останусь здесь, я... Я не выдержу, Молли; мне будет гораздо спокойнее, когда я уеду от него как можно дальше...

— Ты говорила ему, что уезжаешь?

— Не совсем. Он знает, что я позвала Ллойда в Дербишир, но сейчас его здесь нет. Домработница сказала, что Рэн уехал на несколько дней, но не сообщил, где он и когда вернется... По-моему, он старается меня избегать...

— Как и тогда, когда затащил тебя в постель, — мрачно предположила Молли. — А ты вообще спрашивала когда-нибудь, что он чувствует к тебе?

На секунду Сильвия утратила дар речи.

— Нет! Конечно, нет. Как я могла? Разве ты спрашивала об этом Алекса?

— Может, и нет, — согласилась Молли. — Но у нас с Алексом совершенно другие отношения. Мы недолго были знакомы. А вы с Рэном...

— Вся разница в том, что вы с Алексом любите друг друга, а мы с Рэном... Мне надо идти, Молли. Я не могу больше разговаривать.

Отключив телефон, Сильвия взмолилась, чтобы Ллойд быстрее забрал ее отсюда. Даст бог, ей удастся уехать из Дербишира до возвращения Рэна.

В этот миг свет фар за окном скользнул по занавескам. Это Ллойд наконец...

Глубоко вздохнув, она помчалась на первый этаж ему навстречу.

Полчаса спустя, выслушав рассказ Сильвии, Ллойд решительно протянул ей носовой платок и спросил:

— Ты и вправду любишь его так сильно?

— Слишком сильно. Глупо, да? — дрожащим голосом ответила Сильвия и упрямо повторила, —

Ллойд, я не хочу тебя подводить, но я не могу здесь оставаться.

— Ты ни в чем меня не подвела, детка. Твое счастье для меня важнее всего. Ты для меня, как родная дочь. Если бы не эта деловая встреча, я сразу бы тебя забрал.

— Нет. Нет, не надо. Я разберусь с незаконченными делами, пока Рэна нет. Приведу все в порядок, чтобы у моего сменщика меньше было хлопот.

— Тогда увидимся в Нью-Йорке, детка, — сказал Ллойд и обнял ее.

Потом он уехал. Вскоре и она уедет тоже.

Сильвия смахнула набежавшие слезы.

Одиннадцатая глава

— Ну разве здесь не красиво? — заметила Молли, подойдя к Рэну. Он любовался прудом в центре окруженной деревьями лужайки.

Когда-то, задолго до свадьбы Алекса и Молли, эта лужайка была осквернена бандой бродяг, возглавляемых наркодилером по имени Уэйн, который убедил невинную идеалистку Сильвию в том, что они борются за права бездомных.

Сильвия привела их на эту хорошенькую лужайку и в конце концов именно она сыграла главную роль в разыгравшейся драме, после того, как поняла, каким опасным человеком был этот Уэйн.

Понадобилось несколько месяцев, чтобы вернуть лужайке ее первоначальный вид. Весной она покрывалась сплошным ковром колокольчиков, но теперь пора их цветения давно прошла, и деревья уже начали желтеть, возвещая о близости осени.

— Сейчас даже трудно поверить, что когда-то это место было совсем другим, — продолжила Молли, остановившись рядом с Рэном. — Хотелось бы мне взглянуть на Сильвию в тот день, когда она упала в грязь, а ты ее отмывал... Сколько ей было, Рэн?

— Семнадцать, — не задумываясь, ответил он, и Молли бросила в его сторону пристальный взгляд.

— Гм... Когда Сильвия гостила у нас в прошлый раз, она рассказывала о том, как не хотела уезжать из «Отель-Плейс». Ей хотелось остаться с Алексом после смерти его отца, но мать ей не разрешила.

— Она была совсем молоденькой, только начала взрослеть. Холостяцкое жилище было бы для нее неподходящим местом.

— Даже если одного из этих холостяков она любила, продолжала любить... и любит до сих пор?

— Алекс и сам считал, что ей лучше остаться с матерью, — упрямо заявил Рэн.

— Я говорю не об Алексе. Сильвия хотела остаться здесь из-за любви к тебе.

— Она была ребенком, — сердито ответил Рэн, отворачиваясь. — Что она понимала в любви? Она была совсем маленькой, Молли, я был всего лишь управляющим ее брата; я не мог...

— Не мог признаться ей, что тоже ее любишь? — мягким голосом предположила Молли.

Рэн окинул ее гневным взглядом.

— Я хотел сказать, что не мог обеспечить ей такой уровень жизни, к которому она привыкла, и даже если бы смог, она была еще маленькой, совсем ребенком...

— К девятнадцати годам она повзрослела, — напомнила ему Молли и многозначительно добавила, — И ты сам это понял, Рэн. Вы стали любовниками. Ты был у нее первым, но бросил ее, позволил ей...

— Нет! Это она меня оттолкнула, — яростно возразил Рэн. — Она сама сказала мне, что легла со мной в постель ради Уэйна. Он не хотел иметь дело с девственницей... и...

— А ты ей поверил? — усмехнулась Молли.

Рэн посмотрел на нее.

— Она как раз прощалась с ним, когда я приехал, и если бы ты их видела...

— Внешность часто бывает обманчива. Люди могут очень долго скрывать свои чувства из страха быть отвергнутыми. Ты же, — тихо добавила она, — скрывал от Сильвии свою любовь?

Рэн остолбенел.

— Это Алекс тебе сказал? — возмутился он. — Он не должен был...

— Алекс ничего мне не говорил, — заверила его Молли. — Ему незачем было говорить, Рэн; я сама догадалась.

— Как?

— Я знала, что ты за человек, и видела, как ты ведешь себя с Сильвией, но все вместе это как-то не складывается, — пояснила она с улыбкой. — Почему ты не сказал ей о своих чувствах?

— Она знает, — коротко ответил Рэн. — Слушай, Молли, спасибо за сочувствие. Может, когда-то, в детстве, в юности, Сильвия любила меня, но сейчас все изменилось. Она уже не девочка, а взрослый человек. В ее жизни появился другой мужчина, который...

— Какой еще другой мужчина? — перебила его Молли и торопливо добавила, — Ты был ее единственным любовником, Рэн.

— Нет... не правда, — возразил Рэн, но Молли заметила, что его лицо побледнело под слоем загара. — Она была любовницей Уэйна, а теперь у нее есть Ллойд.

— Нет, — твердо заявила Молли. — Нет, Рэн. Уэйн и Сильвия никогда не были любовниками. Она сказала это мне еще тогда, и я знаю, что это чистая правда. С тех пор она часто это повторяла.

— Как часто? — переспросил Рэн, но затем покачал головой. — Да черт с ними, с другими мужиками. Меня не волнует, сколько их было в ее жизни, но я не могу навязывать ей свою любовь. Она любит Ллойда.

— Конечно, любит, — согласилась Молли, — но как друга, Рэн, а не как мужчину.

— Ты бы не говорила так, если бы слышала ее разговор с ним по телефону. Как она умоляла его вернуться...

Молли глубоко вздохнула. Перед беседой с Рэном она заранее обдумала, как далеко сможет зайти в своей откровенности, какие границы не должна переступать, и какими секретами не должна делиться. Но теперь она поняла, что волей-неволей ей придется нарушить собственноручно установленные правила.

— Она умоляла его вернуться, потому что хотела уехать из Хавертон-Холла, — тихо сказала Молли. — Она жутко боялась, Рэн, боялась своих чувств к тебе и... Она сказала мне, что не выдержит больше. Она сказала, что не может заниматься делом, когда все ее мысли вертятся вокруг тебя. Она хотела, чтобы Ллойд позволил ей работать где-нибудь в другом месте, где ей не пришлось бы встречаться с тобой... Это из-за тебя, Рэн. Если ты ее любишь...

— Я видел, как она переживала, когда Ллойд уехал в Лондон с Вики, — раздраженно возразил Рэн.

— Ллойд никогда не был ее любовником, Рэн. Она не любит его как мужчину, но если ты сомневаешься в моих словах, если ты действительно хочешь узнать правду, есть всего один человек, с кем ты должен поговорить. Если ты не веришь мне, Рэн, подумай вот о чем: почему женщина ложится в постель с мужчиной, если она долгие годы жила монашкой и, тем более, уверена, что этот мужчина ее не любит? Разве не потому, что ее чувства к нему настолько сильны, что не поддаются контролю? О, кстати, — Молли сделала паузу, и отвернулась, словно намереваясь уйти. — Чуть не забыла. Сильвия звонила мне прошлым вечером. Она поговорила с Ллойдом и он разрешил ей уехать из Хавертон-Холла. Завтра она вылетает из Лондона. Иногда женщинам недостаточно одной любви. Иногда нам нужно доказательство, признание, увидеть эту любовь, услышать о ней, пощупать хотя бы.

— Что случилось с Рэном? — взволнованно спросил Алекс у Молли, входя в гостиную. — Я встретил его на дороге; он сказал, что возвращается в Хавертон. Говорит, это что-то важное.

— Гм... правда?

— Молли, — с подозрением поинтересовался Алекс. — Что происходит? Что ты ему...?

— Ой, — зажав рот ладонью, Молли пулей вылетела из комнаты.

Что за глупое выражение «утренняя тошнота», — сочувственно подумал Алекс. — Бедная Молли страдает от нее круглые сутки.

Сумки были давно упакованы, записка для Рэна оставлена на столе, документы приведены в порядок; ничто не мешало ей сесть в арендованную машину и отправиться в аэропорт. Но Сильвия все никак не могла заставить себя сделать это.

Она нерешительно поднялась на второй этаж и остановилась у спальни Рэна. Дом оставался в полном ее распоряжении. У миссис Эллиот был выходной. Сильвия резко распахнула дверь и вошла. Комната совсем не изменилась с той единственной ночи, которую Сильвия провела здесь. Она подошла к кровати, дрожащей рукой погладила подушку Рэна.

Ее глаза наполнились слезами, но она не стала их вытирать. Вместо этого она решительно направилась к входной двери.

Снаружи воздух был согрет лучами заходящего солнца. Огромные клумбы вдоль дороги сплошь заросли лавандой.

Внезапно Сильвия обернулась, чтобы в последний раз взглянуть на здание. Если Хавертон-Холл всего лишь особняк, то это — настоящий дом. Она нежно погладила на прощание теплые, пористые кирпичи, прежде чем сесть в машину. У нее заказан номер в Лондонской гостинице на одну ночь, а рано утром она должна вылететь в Нью-Йорк. Пора уезжать. Тем более, что оставаться незачем.

Всю дорогу Рэн обзывал себя круглым дураком и убеждал себя, что Молли ошибается.

— Если Сильвия действительно меня любит, что мешало ей признаться в этом? — раздраженно спросил он у Молли.

— Ничего, если не учитывать ее уверенности в том, что ты ее не любишь.

Неужели Сильвия действительно уверена в этом? Почему? Всего лишь накануне ночью, держа ее в своих объятиях, он откровенно раскрыл перед ней свои чувства.

Охваченный волнением, он гнал на север, не задерживаясь ни на секунду. Когда он проезжал последние оставшиеся мили, солнце уже садилось.

Сначала Рэн заметил ее джип; его сердце екнуло, когда он убедился, что она все еще здесь. И только потом он увидел ее.

На ней был элегантный брючный костюм, в руках — портфель с документами. Рэн инстинктивно вдавил в пол педаль газа.

Рэн мчался на такой скорости, что поначалу Сильвия не могла рассмотреть за клубами пыли ни водителя, ни очертаний автомобиля. Но все же она как-то умудрилась узнать Рэна, и ее первым глупым желанием было сбежать. Но пока она лихорадочно дергала тяжелую дверь джипа, Рэн уже успел развернуться и преградить ей путь к бегству. Он вылез из машины и направился к ней с мрачным и непроницаемым лицом.

— Рэн... Я... собиралась уезжать... Я...

— Почему? — спросил он, перебив ее сбивчивое бормотание.

— Почему?

— Почему ты уезжаешь, Сильвия? Из-за Ллойда? Потому что он твой любовник, и ты не можешь вынести разлуки с ним?

Сильвия была слишком ошеломлена, чтобы изворачиваться.

— Нет! — не раздумывая, воскликнула она. — Ллойд мне не любовник.

— Тогда какого черта ты так расстраивалась, когда он увез Вики в Лондон? — взорвался Рэн.

— Я... Она... Было так ясно, чего она добивается, и что из себя представляет, а ты защищал ее, ты одобрял ее кокетство... ты хвалил ее... ты...

— Я не мог дождаться, когда же она окрутит Ллойда, чтобы ты поняла, насколько он низок в

сравнении с тобой, — тихо произнес Рэн.

Сильвия уставилась на него. Наверное, солнце голову напекло, — устало подумала она. Иначе с чего бы ей померещилось это странное выражение в глазах Рэна?

— Ты не можешь и вправду думать, что мы с Ллойдом любовники, — дрожащим голосом сказала Сильвия. — Он мой друг. Он мне нравится... я люблю его, да, как человека, но... — она умолкла и облизала внезапно пересохшие губы кончиком языка.

— Не надо, Сильвия, — взволнованно произнес Рэн. — Идем со мной, — потребовал он, взял ее за руку, прежде чем она успела его остановить, и повел через покрытую гравием площадку и тисовую аллею в ту часть сада, которую Сильвия еще не успела исследовать.

Через просвет в живой изгороди Рэн показал ей маленький, потайной садик, полностью засаженный белыми розами, от запаха которых у Сильвии закружилась голова.

— Брат моего деда посадил эти розы в память о единственной женщине, которую любил. Она умерла от воспаления легких незадолго до назначенной свадьбы, и эти воспоминания — все, что у него осталось. Я не хочу, чтобы у меня остались одни только воспоминания о тебе, Сильвия. Я люблю тебя, — хрипло признался Рэн. — Я всегда любил тебя и всегда буду любить. Я не говорил этого раньше, потому что считал, что у меня нет на это права... Сначала ты была слишком юной, потом появился Уэйн, потом...

— Ты любишь меня? — Сильвия с недоверием уставилась на него. — Но прошлой ночью ты сам говорил мне, что не... Ты говорил, что знаешь, как больно мне любить тебя, но...

Она осеклась, услышав его резкий вздох.

— Нет, — поправил ее Рэн. — Я пытался сказать, что это мне больно любить тебя, зная, что ты не любишь меня в ответ.

Секунду они оба смотрели друг на друга в молчании, но затем, робко, будто не конца поверив услышанному, Сильвия протянула руку к его лицу и дрожащими пальцами погладила щеку.

— Ты любишь меня, Рэн? Я не... не... Я боюсь поверить, потому что... — Она умолкла и сжала губы, чтобы скрыть их дрожь.

— Боже, Сильвия, что я наделал... что мы наделали? — хриплым голосом воскликнул Рэн. — Я любил тебя, когда тебе было шестнадцать, и я не имел права испытывать к тебе такие чувства. Я любил тебя, когда тебе было семнадцать, и ты меня чуть с ума не свела своими приставаниями. Я любил тебя, когда тебе было девятнадцать, и ты швырнула мне свою девственность, как перчатку, отдала мне свое тело, но отказала в любви.

— Я думала, ты меня ненавидишь, — прошептала Сильвия. — Ты так разозлился на меня, когда я приехала в «Отель-Плейс» с Уэйном и «зелеными».

— Это была не злость, а ревность, — сухо сказал Рэн. — Ты и не представляешь, сколько раз мы могли бы оказаться с тобой в одной постели, если бы не эта «злость». Это или отталкивало тебя, или...

— Тогда почему...? Почему ты не ложишься со мной в постель? Ты ведь знал, как сильно я этого хотела, как сильно хотела тебя.

— Нет. Нет, не знал. О, да, я знал, что когда-то ты была увлечена мною, но потом увидел тебя с Уэйном, и ты сказала, что любишь его...

— Мне показалось, что ты меня отвергаешь. А у меня ведь тоже есть гордость, — печально сказала Сильвия. — Ты так часто меня отталкивал...

— Ради твоего же блага, — перебил ее Рэн. — Как верно заметила твоя мать, мне нечего было тебе предложить.

— Ничего...? — пылко возразила Сильвия с блестящими от слез глазами. — У тебя было все, Рэн... ты же все для меня!

И когда он заключил ее в объятия и поцеловал, с розовых кустов на них посыпались лепестки.

— Как конфетти, — тихо произнес Рэн. — По семейной традиции, мы должны обвенчаться в часовне в Хавертон-Холле. Но она нуждается в ремонте, а я не могу ждать так долго. — И, поцеловав ее снова, он прошептал, — Возможно, в ней мы окрестим нашего первенца.

Сильвия удивленно моргнула.

— Ты знаешь? — переспросила она. — Ты тоже это почувствовал?

— Да, — сказал Рэн. — Почему мы были такими идиотами, Сильвия? Только одно это могло бы открыть нам глаза. То, что мы испытали той ночью, то, что мы создали, могло случиться только от настоящей любви.

— Да, — согласилась Сильвия. — Я до сих пор не могу поверить... — добавила она, стяхивая с его плеча белые лепестки. — Это... так странно. Меньше часа назад я думала, что никогда больше не увижу Хавертон-Холл и тебя. Что заставило тебя вернуться? Что...

— Ты, — решительно ответил Рэн, но затем все же признался, взглянув ей в лицо, — Молли мне сказала... объяснила...

— Молли? Но она и словом не обмолвилась, когда мне позвонила... — с возмущением начала Сильвия, но тут же умолкла. — Ой, Рэн, — прошептала она. — Страшно подумать, как близки мы были к тому, чтобы... лишиться этого... лишиться друг друга.

— Все не могло так закончиться, — заверил ее Рэн.

— Не знаю, что скажет Ллойд, когда узнает, что я передумала и хочу остаться в Хавертоне...

— Навсегда, — добавил Рэн.

— Навсегда, — согласилась Сильвия.

— Идем в дом, — неожиданно предложил Рэн. — Я хочу обнять тебя... любить тебя... доказать тебе свою любовь.

Десять минут спустя, лежа на кровати в его объятиях, поглаживая его лицо, Сильвия призналась:

— У меня был только ты, Рэн. Я не могла... не хотела...

— Думаешь, у меня было по-другому? — резко спросил Рэн.

Сильвия взглянула на него с сомнением.

— Но ты мужчина, — возразила она. — Всегда ведь был кто-нибудь... какая-нибудь из твоих подружек...

— Именно что «подружек», но не любовниц. Да, сначала у меня были ни к чему не обязывающие связи, но я давно уже ни с кем не спал. Мужчины не так уж сильно отличаются, Сильвия, тем более, если они любят так, как любил тебя я. Наверное это и объясняет... Как ты думаешь, родится мальчик или девочка?

— Понятия не имею, — ответила Сильвия. — Я только знаю, что это будет плод нашей любви.

— Нам надо обвенчаться побыстрее и без лишнего шума, — заявил Рэн. — Твоей маме не понравится...

— Я бы хотела выйти замуж в «Отель-Плейс», — тихо сказала Сильвия. — Там, где мы встретились. Мне очень нравится это комната, Рэн, — мечтательно добавила она. — Она очень тебе подходит.

— Правда? Приятно слышать, тем более, что ты за свою жизнь перевидала огромное количество комнат, — полушутя заметил Рэн, а затем привлек ее к себе и снова поцеловал.

Пожились они в «Отель-Плейс» пять недель спустя в окружении близких родственников и, естественно, в присутствии Ллойда, которого Сильвия не могла не пригласить.

Алекс вел ее к алтарю, а мама, вне себя от радости, сморкалась в платочек. Сын Алекса и Молли торжественно подал им кольца на вышитой бархатной подушечке. Платье Сильвии было кремовым с золотом.

— Я никогда не любила белый цвет, — сказала она Молли и с усмешкой добавила, — Кроме того, он не совсем подходит.

— Надеюсь, что да, — кивнула Молли. — После того, как вы с Рэном столько лет были в размолвке, удивительно, что он вообще позволил тебе вылезти из постели, даже ради свадьбы.

Сильвия рассмеялась и спросила с притворной застенчивостью:

— А с чего ты взяла, что это он меня из постели не выпускает? Я так сильно его люблю, Молли, — серьезно добавила она, — и только благодаря тебе мы снова вместе.

— Только это не пытайся на меня свалить, — усмехнулась Молли и похлопала Сильвию по животу.

Сильвия уставилась на нее в изумлении.

— Ты знаешь? Но откуда...? Я...

— Я видела, как ты изменилась в лице за завтраком, — сказала Молли. — И кроме того... Рэн так на тебя смотрит. Он очень тебя любит, Сильвия.

Сильвия невольно перевела взгляд на своего мужа, и ее сердце забило быстрее. Как сильно ни любила она своих родственников, единственный человек, который ей сейчас нужен, это Рэн. Она тихонечко подкралась к нему, взяла под руку и мягко предложила:

— Идем домой, Рэн...

— Я и вправду считаю Хавертон своим любимым приобретением, — признался Ллойд Сильвии у входа в маленькую часовню, где только что был окрещен сын Рэна и Сильвии.

— Ты говоришь так о каждом купленном доме, — усмехнулась Сильвия, но Ллойд отрицательно покачал головой.

— Нет, Хавертон особенный. Ты прекрасно справилась, Сильвия. Ты уверена, что не хочешь вернуться ко мне на работу? Я тут такой дворец присмотрел в Испании...

— Нет. — Сильвия со смехом покачала головой. — У меня теперь своих дел невпроворот, — напомнила она, глядя с любовью, как ее муж баюкает на руках сына.

Восстановление Хавертон-Холла было закончено как раз к крестинам Рори. Официальное открытие дома для посетителей назначили на конец месяца.

Рэн не настаивал, чтобы Сильвия бросила работу. Она сама захотела остаться с Рори и, естественно, с Рэном. Быть может, через несколько лет ей и захочется вновь заняться карьерой, но это вряд ли. Она официально считалась смотрительницей Хавертон-Холла, и уход за домом и окружающей его территорией казался ей вполне достойным занятием.

Уже сейчас, до официального открытия, к ней поступило множество заказов на проведение в Хавертон-Холле свадеб, конференций и частных вечеринок. Приятно лишний раз убедиться, что прибыли от сдачи дома в наем вполне хватит на покрытие расходов по его содержанию.

— Даже если бы тебе удалось сбежать от меня, — сказал Рэн накануне ночью, — рано или поздно я все равно встретил бы Рори и догадался бы, что это мой ребенок...

— И что тогда? — с вызовом поинтересовалась Сильвия.

— И тогда я вспомнил бы, как он был зачат, и попытался бы стать частью его жизни... и твоей.

— Потому что он твой сын?

— Потому что ты моя женщина... моя любовь... — ответил ей Рэн.

Даже сейчас Сильвия не могла до конца поверить в свое везение, в свое счастье. С Рэном она смогла осуществить часть своей детской мечты — их дом был зеркальным отражением того идеального жилища, который она рисовала в своем воображении. Но дело было не только в доме...

Если Дом священника стал домом ее мечты, то Рэн был мужчиной ее мечты, хотя даже это описание не в силах выразить всю глубину и силу их взаимной любви.

Рэн был ее мужчиной, ее мужем, ее душой и светом всей ее жизни... Без него... Без него пол ее уютной кухни не был бы заляпан грязью, как в прошлое утро, когда Рэн ворвался в дом, радостно крича о том, что браконьеры, которых он подозревал в угоне скота, были пойманы на землях соседа.

Сильвия улыбнулась украдкой. Рори исполнилось шесть месяцев, и она подозревала, что задолго до второго дня рождения у него появится братик или сестренка.

— Чему ты улыбаешься? — спросил Рэн, подойдя к ней с Рори на руках и поцеловав ее в губы.

— Помнишь ту липовую аллею, которую мы посадили в Хавертоне ко дню рождения Рори?

— Гм...

— Помнишь, ты еще сказал, что посадишь вторую такую же к рождению второго ребенка?

— Гм...

— Так вот, — заявила Сильвия с блеском в глазах, — по-моему, тебе пора покупать саженцы...

— Сильвия...? — воскликнул Рэн, но она уже отвернулась, чтобы рассказать одной из его пожилых родственниц о проделанной в Хавертон-Холле работе.

Рэн взглянул в настороженные глазки своего сына и тихо сказал ему:

— Похоже, Рори, придется тебе привыкать к роли старшего брата.